

АНАТОНИЙ ГОРБОВ

АЖЖИИ

ГОЛЛКОМ

Анатолий Горбов
Джин с Толиком

«Автор»

2013

Горбов А. А.

Джин с Толиком / А. А. Горбов — «Автор», 2013

Собрались бросить курить в пятницу, тринадцатого? Не советую.хлопот не оберётесь. Хотя, если вас не пугают неожиданные сложности на работе, проблемы с любимой девушкой и вражда с наркомафией, то – флаг вам в руки. Думаю, что в этом случае исключительная возможность послушать запах, пощупать изображение или увидеть звук вас уже не сильно шокирует. А ключи, которые не звенят, дедушки с неприличными предложениями и прочий кисло-сочный помпадур не остановят... Ну и правильно, в борьбе за собственное здоровье побеждает сильнейший! Или самый обезбашенный?..

© Горбов А. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Предисловие	5
Пролог (Про Б. Лог)	6
Глава первая, полдень пятницы тринадцатого	8
Глава вторая, в которой все уже, собственно, началось, только никто об этом не догадывается...	11
Глава третья, в которой герой дважды успеваешь покраснеть	14
Глава четвертая, в которой незванным гостем приходит похмелье, пугая и удивляя	18
Глава пятая. Кто, где, когда?	21
Глава шестая, в которой герой признается, что он – гипотоник, и рисовать не умеет	25
Глава седьмая, «Зачем, аптекари, вы нас не любите...»	29
Глава восьмая, в которой ббб наносит материальный ущерб, но добро не дремлет	32
Глава девятая, в которой ангел-хранитель читает мне нотации, а плюшевым барашкам живется хорошо	35
Глава десятая, про истинные двигатели торговли	42
Глава одиннадцатая, о юных котах и молодых холодильниках	44
Глава двенадцатая, про пьяного СЛОНА	48
Глава тринадцатая, в которой главный герой неожиданно узнает, почему нынче ШИЗА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анатолий Горбов

Джин с Толиком

*Все герои и события являются вымышленными,
все совпадения случайны*

*Минздрав Грузии предупреждает: "Курение опасно для Вашего
здоровья, счастья и успехов в личной жизни!"
КВН, "Армянский проект"*

Предисловие

Книга эта начала созревать довольно давно – настолько, что я уже стал забывать, что же в ней правда, а что – выдумка. Наверное, все-таки, все правда. Правда, не в той последовательности. И случившаяся не всегда с теми персонажами и в той степени, как решил изобразить я. Да и вообще, я ли решил именно так? Порой мои герои вели себя совершенно автономно, и это выглядело правильно.

Если бы у меня спросили рецепт этой книги, я бы сказал, что это некий многослойный пирог из обыденной жизни, фантастики, криминала, любви и юмора, щедро политый шоколадным оптимизмом и украшенный верой в будущее. А то, что он выглядит, как беляш с Павелецкого вокзала – так вы глазам не верьте! Это такие волшебные чары! Злые!

Ну, помните – Царевна-лягушка вначале тоже красотой не блистала. Я вас, конечно, целоваться с предметом своего кулинарного мастерства не заставляю. Да и нужен ли нам пристальный интерес врачей от психиатрии и полицейских от Госнарконтроля? Вы просто начните читать, а дальше видно будет!

Пролог (Про Б. Лог)

*Жизнь ничего не дает бесплатно, и всему, что
преподносится судьбой, тайно определена своя цена.*

Стефан Цвейг

Белый турбированный порше кайенн, беспощадно коверкая свои безупречные формы и фонтанируя бисером разбитых тонированных стекол, с силой пятисот разогнавшихся лошадей сбил почти новую автобусную остановку. Если бы я был поклонником боулинга, то крикнул бы: «Страйк!». А если бы оставался там же, где был 2 секунды назад, то, не успев бы и рта открыть.

Автобусная остановка хутора Большой Лог, представляющая собой металло-пластиковую конструкцию на шести столбах, с ярко-красной надписью «Б. Лог», прекратила свое существование за какую-то долю секунды. Вместе с ней прекратились и мои вялотекущие ассоциации на поздравительные темы, адресованные уважаемым Б. Ложцам. Или, все-таки, Б. Логгерам?

Отрезвляюще запахло бензином на фоне клубящейся пыли в затихающем эхе металлического реквиема. Оглушительный грохот столкновения загипнотизировал меня не хуже дудочки факира, хоть я и не был ползучим гадом. И вообще гадом не был. И даже никому не обещал, мол, «гадом буду». Я прирос к месту, лишь какая-то обезумевшая самаритянская мысль, соскочившая с пожарного стенда в моей голове, пыталась бросить тело на помощь тем, кто был в автомобиле.

Однако, свистящий звук из поврежденного колеса – а может, из подушек безопасности, пресекал все поползновения в эту сторону. Ибо свист этот напоминал, что ничего похожего на подобный звук – например, визг тормозов или шепелявого шороха стирающихся покрышек, в ближайшее время не было. То есть, водитель и не пытался тормозить. Он ехал на меня целенаправленно. С противоположной стороны дороги, через двойную сплошную, с огромной скоростью. Хотя, может быть, это паранойя? Может, человеку стало плохо, он потерял сознание – оттого и не тормозил? Очень хотелось курить. И верить в то, что все это случайность.

Если бы красавица-машина не выглядела такой мертвой, она могла бы вызывать своим неглиже подобие эротического возбуждения. Непристойно ободранная до блестящего основания краска, вскрытый горячий металл левого борта и полностью обнаженный, дымящийся на легком ноябрьском морозе двигатель являли взору стороннего наблюдателя то, что обычно скрыто от посторонних глаз.

Сразу вспомнился Азазелло, который «видел не только голых женщин, но даже женщин с начисто содранной кожей». И вообще, повеяло какой-то чертовщиной. В последнее время ею частенько веяло – я уже привык к этому аромату стресса, ненависти и предательства. А в похотливом сладком запахе смерти я только что научился различать еще одну нотку – бензиновую пронзительность неотвратимой смерти. От этой составляющей седеют, если выживают.

Пьяными пальцами я извлек мобильник и вызвал скорую. К кайенну близко подходить не стал – не жалею я подобные зрелища. Заполняя гулом замершее пространство, собирались прохожие и люди из остановившихся авто. Молоденького паренька со смешным ежиком светлых волос, первым пробравшегося к развороченной машине с водительской стороны, качественно рвало под высоченным тополем, об который порше и остановился.

Скорая приняла заказ, а парень прекратил блевать, и, шатаясь и утирая рукавом лицо, пошел прочь от только что виденной смерти, споткнувшись о валяющийся на земле номерной знак. Знак перевернулся и издевательски уставился на меня тремя пятерками в окружении трех букв «ю».

Белый кайенн. Ю-555-ЮЮ. Вспомнилось отчетливо – Юровский Юрий Юрьевич. Вот тебе и паранойя. Вот тебе и случайность. Вот тебе, дяденька, и Юрьев День...

Это было последней каплей. Сердце заунывно запричитало, стучаясь о грудную клетку, как сумасшедший головой о стену: «Ой, не надо было этой капли-и-и-и». Но как-то не жалобно. Даже наоборот, вызывающе. И страха не было. И волна адреналина, ставшая такой привычной в последнее время, была приятна.

Мелькнула злорадная мысль: «Надо, Федя. Надо!». И еще одна мелькнула: «Похоже, становлюсь стрессофилом...». И еще: «Хорошо бы, снег выпал». А дальше они замелькали одна за другой, быстрые, как кайенн. Потому что три свидания со смертью за неполных две недели – это перебор. Это вам любой уважающий себя кот скажет. Хоть у него, в отличие от обычного смертного, семь жизней. Или даже девять?

Немного не доехав, остановился автобус на Ростов, полный растерянных лиц, разглядывающих место аварии, и я поднялся в салон. Именно тогда, медленно проезжая мимо бывшей остановки и вместе со всеми пассажирами глаза на покореженный автомобиль, я решил записать эту историю. Именно тогда, когда до ее развязки было еще далеко, и было совершенно неясно, чем она закончится – моим эпилогом или моим же некрологом...

А началось все в пятницу, тринадцатого. Как ни странно, в полдень...

Глава первая, полдень пятницы тринадцатого

*– Ну и недельку я выбрал, чтобы бросить курить!
Из к/ф «Аэроплан!» («Airplane!», 1980)*

Страшной приметой считается, если черный кот разобьет зеркало пустым ведром. Похоже, в пятницу, тринадцатого, нечто подобное произошло со мной. Я решил бросить курить.

Процедура отлучения от пагубной привычки мне довольно хорошо знакома. Не хочется повторять Марка Твена, к творчеству которого я отношусь с любовью и почтительным благоговением, который однажды произнес что-то вроде: «Бросить курить? Нет ничего легче! Я сам бросал раз сто!!!». В моем случае такая интерпретация подошла бы идеально.

Курить я бросал много раз – и, должен сказать, довольно успешно. Единственным недостатком моих регулярных отказов от легализованного наркотика было то, что я всегда оговаривал длительность моратория на поклонение табачным палочкам. А после окончания указанного срока закуривал снова. Начинал я с сорока пяти дней, и постепенно довел свой личный рекорд до года.

Сказать, что я совсем не испытывал неудобств при отказе от сигареты, было бы кокетливым лукавством, а мужчина не должен выглядеть кокетливым.

Поэтому я оставляю для себя лишь лукавство, и признаюсь, что эта, недостижимая (как они сами себя обманывают!) для многих зависимых от табака людей, процедура, со мной проходила без особых трудностей. Я не впадал в трансовое состояние крысы, загипнотизированной волшебной дудочкой Нильса, проходя мимо вкусно курящих курильщиков. Я не уходил в себя, озлобленный и раздраженный, во время никотиновой абстиненции. Не становился частым гостем собственного холодильника в то время, когда вокруг, словно выиграв тяжелую и беспощадную войну против всепоглощающего табака, начинали просыпаться чудесные запахи. А собственный язык и же с ним, в знак простой человеческой благодарности, начинали радовать настолько нежными и волшебными оттенками вкуса, что даже питье обычной воды превращалось в праздник.

Я неоднократно в такое время ловил на себе изумленные взгляды окружающих, которые начинали принюхиваться ко мне и офисному кулеру, из которого я только что испил водицы. Принюхивались они на предмет наличия алкоголя, ибо мои собственные глаза выражали настолько бесстыдное удовольствие и опьянение, что всем хотелось тут же разделить со мной чарку-другую этого волшебного зелья.

Итак, 13 ноября, как уже говорилось, в пятницу, я был на работе. Компания, где я работал, «Колосов и А» была довольно крупной, в ней обитало много народа – а также идей, амбиций и проектов. Проекты были самые разнообразные. От обычных рекламных акций до грандиозных многомиллионных начинаний. Здесь был свой PR-отдел, служба доставки, куча сервисов и многое другое. Я работал в IT-отделе, на подхвате.

Работа на подхвате в IT-отделе не означает, что я грузил компьютеры бочками или вытирал пыль под кактусами. В основном, я занимался программированием и работой с базами данных.

Но на вопрос знакомых «кем работаешь?» я никогда не говорил – программистом. Говорил – айтишником. Это казалось мне скромнее, да и для работы в нашей организации необходимо было знать и уметь кучу других вещей, с программированием и проектированием СУБД непосредственно не связанных. Хотя, если верить Леонарду Брендвайну – «опасайтесь программистов, носящих с собой отвертки!» Ну да бог с ней, с работой. Дело-то совсем не в ней!

Закончив месячное тестирование очередного продукта, я довольно потянулся на своем расплющенном кресле со скрипящими колесиками. В свое время я честно пытался его заменить на что-нибудь менее продавленное и скрипучее. Но, как отвечал наш хозяйственник Фома Андреевич Брутов, которого за глаза никто иначе, нежели Хомкой, не называл: «А нечего было к нему Аллочку привязывать на корпоративе и устраивать гонки с отделом доставки». Это означало, что «Кресло офисное, серое, для служащих среднего звена, инвентарный номер 16010», как материальная ценность, еще не полностью перенесло свою стоимость на изготавливаемую этим креслом продукцию. И должно было еще поработать на благо купившей его фирмы.

Фома Андреевич, в прошлых жизнях, видимо, неоднократно бывавший прапорщиком, вообще был не очень приятным человеком.

Когда его занудное общество, от которого не было никакой возможности избавиться, утомляло кого-нибудь (а оно всегда кого-нибудь утомляло), тихонько говорили в сторону, причем, исключительно загробным голосом: «Позовите Вяя!». Фома Андреевич обычно делал вид, что ничего не услышал, но, тем не менее, самолично заканчивал надоевшую беседу про скучные хозяйственные вопросы, и быстренько ретировался в сторону другой жертвы.

Брутов не мог без слез и жалоб расставаться с вверенными под его начало активами. Единственное, что он отдавал с легкостью – это скобы для степлера, которыми кто-то в далеком прошлом расплатился за сделанную нами работу. Бартером, так сказать. Поистине астрономическое количество этих скоб заняло целую кладовку.

Но для IT-отдела сие канцелярское излишество было не актуальным – востребованы были обычные стикеры. Ими были оклеены все мониторы нашего отдела. Кое-кто с сожалением вспоминал старые мониторы с электронно-лучевыми трубками, на которых можно было разместить несравненно большее количество необходимой информации. Но на дворе XXI век. Стикеры, живущие на LCD-мониторах, были исписаны более мелким почерком, дабы возместить дефицит оклеиваемой территории.

Я напевал старенькую песню Круиза «Как трудно жить без светлой сказки», когда именно такая бумажка и попалась мне на глаза. На ней удивительно каллиграфическим почерком (Ирка моя любимая писала, заботится человек!) маркер вывел еще весной – «Бросить курить». То ли мелькание перед глазами этого стикера за полгода создало эффект 25 кадра, то ли назревшая проблема с бронхами требовала стремительного разрешения, но я проникся.

И твердо решил воскреснуть в ближайшее воскресенье, то бишь послезавтра. Почему не сразу, в тот же момент, спросите вы? На то была веская причина. Прошлый проект отдела объявили принятым заказчиком, каким-то медицинским институтом. А это означало весомую премию-бонус. Что было очень кстати – давно хотелось сделать Ирине более-менее существенный подарок. Как раз приближался 6-месячный юбилей наших нежных отношений. На роль сюрприза были выбраны псевдостаринные напольные часы, искусно сработанные под красное дерево. Стоили они, примерно, как настоящий антикварный раритет с жизненным пробегом впятеро длиннее моего. Но, как утверждал юркий продавец, были гораздо легче по весу, и совершенно не несли на себе темной ауры прошлых веков. Думаю, Ирка, запавшая в последнее время на старину, осталась бы вполне довольна такой поделкой-подделкой.

Радостное событие, предвещающее скорый прибыль в виде шикарного напольного хронометра, конечно же, просто необходимо было отметить в сугубо мужской компании. Без сигареты? Какой Моцарт и шампанское доставит удовольствие, когда пухнут уши, и кругом все вдыхают ядовитый, но такой привычный дым? Я уважаю свои положительные эмоции, и справедливо решил, что один день в моем ответственном начинании роли не сыграет. А опасаясь, что с утра в субботу, по причине не очень хорошего самочувствия, я могу попросту забыть взятое на себя обязательство, я добавил еще один день. Час X должен был соответствовать первой минуте воскресенья, 15 ноября.

Место празднования бонуса ни у кого не вызывало сомнения – «У рыцаря». Кабачок располагался недалеко от офиса, и его давно облюбовала компьютерная братия для своих вечеринок. Домашняя обстановка также способствовала легкому загулу – Ирка укатила на недельку к теще в Краснодар (теща – это номинально, мы не расписаны, да и живем вместе не очень давно). И должна была предстать пред мои ясны очи только к вечеру воскресенья.

Дело оставалось за малым: сформулировать условия сделки, по которым я бросаю курить. Назначить кнут и пряник. Кнут – это наказание, которому меня подвергнет жизнь, если я нарушу свое обещание не прикасаться к сигарете немногим более 500 дней. А пряник – то, что мне жизнь вручит безвозмездно, то есть даром, за страдания, вызванные изживанием вредной привычки. Странная штука, но всегда работает. Мало того, что здоровее становишься, так еще и всякие приятности получаешь от жизни.

Я создал текстовый файл, озаглавив его «Пари», и сразу же его запаролил, на всякий случай. И, словно опытный чревоугодник в хорошем ресторане, принялся придумывать, что мне хотелось бы получить в ближайшем будущем.

Поскольку подсознание плохо понимает имена и цифры, а также некоторые другие условности, надо было быть очень внимательным в формулировках.

Нельзя было писать о том, чего НЕ ХОЧЕШЬ, а лишь исключительно о том, чего ХОЧЕШЬ. Желания, пока еще не сбывшиеся, должны были быть вписаны в настоящем времени – будто бы они вот-вот исполнятся или исполняются. Чтобы Пари выглядело адекватным под суровым взором сознания, оставаясь при этом понятным подсознанию, я старательно исхитрялся.

Устрашающее наказание было придумано практически сразу – я решил, что довольно сильным пугающим стимулом для меня будет потеря самоуважения. С приятными сюрпризами было сложнее, однако я, что называется, «расписался».

Перечень приятностей, которые станут мне, Победителю Дурной Привычки, доступны по праву сильнейшего, занял почти три страницы. Особо тщательно я оговорил, что не хотел бы потерять свою любовь. Хоть и прекрасно понимал, что в жизни ничто не может длиться вечно. Расставаться с аурой взаимных чувств, возникших между мной и Ириной, даже через многие годы, мне не хотелось ни под каким соусом. Буковками это выразилось так:

«Я счастливо живу со своей второй половинкой, люблю ее и любим ею. Это продолжается всю нашу жизнь. У нас родились умные, добрые, красивые и достойные дети».

Необходимо было логично закончить этот, практически юридический документ, и я внизу приписал еще несколько строк. «Пари составлено – сегодняшняя дата, роспись. Бросаю курить, начиная с 15 ноября сроком на 18 месяцев, или более. Роспись. Свидетели и заинтересованные стороны» я оставил прочерк. Подразумевая под этим любые заинтересованные стороны, от Божественных до вполне материальных. Уже немного фиглярствуя, я дописал своеобразный постскриптум:

«Если мое обязательство отказаться от курения окажется ложью, все вышеописанные блага также окажутся ложью. Если же я сдержу свое обещание, я получу все и даже больше. Причем блага начнут входить в мою жизнь с момента составления настоящего Пари».

Я распечатал полученный текст, и, поразмыслив, удалил исходный файл. Лист с пари был отправлен в сумку ноутбука. Ну вот, после этого непосильного труда можно было бы перейти и непосредственно к работе...

Отстучав оставшееся время в клавиатурной лихорадке, и заполучив повседневное заслуженное покраснение глаз от их многочасовой эксплуатации, природой не предусмотренной, я с наслаждением вытянул руки вверх, сдаваясь во власть пятничного вечера. Оставалось предупредить ребят из охраны, что машину сегодня я оставлю ночевать на офисной стоянке, и – вот он я, пятница! Растерзай меня!

Глава вторая, в которой все уже, собственно, началось, только никто об этом не догадывается...

*– Одно дело ипицитихель, и совсем другое – большитихель!
Из х/ф «Покровские ворота» (1982)*

В кабаке, как всегда, царил средневековый полумрак. Кирпичные неоштукатуренные стены сходились аркой над головой, в них были вбиты какие-то цепи и сделаны ниши. В оформлении ниш никакого порядка и системы не наблюдалось – в двух, ближайших к выходу, стояли пустые доспехи рыцарей тевтонского ордена. И были эти доспехи небольшого, практически, карликового размера (хотя, возможно, это были детские доспехи).

В третьей нише раскинуло свои розоватые листья какое-то неизвестное растение, в четвертой находился пожарный кран. Два самых дальних углубления в стене вмещали в себя дубовые полочки, на которых красовались фарфоровые статуэтки дуэний и пастушек. Немного сумбурный интерьер, но мне всегда нравилось здесь бывать – обстановка располагала к отдыху и неторопливой беседе. Музыка не была по ушам запредельным количеством децибелов, а сервис не бил по всему остальному.

Мы с Мишей выбрали четырехместный стол рядом с неизвестным розовым растением, которое я тут же окрестил Фикус Инкогнито, два других места были для Жоры и Кеши. Больше никто из нашей компании приходить не собирался – трое были в командировке, один на больничном. Еще один отпросился на свадьбу друга, и его послепраздничный зеленоватый облик все ожидали увидеть не раньше понедельника. Мы сделали предварительный заказ и, в ожидании остальных, налили себе по рюмочке водки.

Часа через полтора всем уже захорошело. Разговор вился вокруг совершенствования человека вообще и его мозга в частности, с позиции до неприличия компьютеризированных людей. Основную тему старательно развивал Кешка, видимо, давно озадаченный этим вопросом:

– Отнесись к мозгу, как к компьютеру. Вот какие проблемы – глючит у тебя комп. Взял ты и переставил ось. Ну, или отшаманил, если не сильно глючит. А с человеком как быть? Ежели без психиатрии? – свои слова он сопровождал старательным разглаживанием дубовой столешницы – скатертей на столах не было.

– Ну и кто тебе мешает? НЛП в помощь, ковыряй свои заморочки, только совсем обезбашенным не стань, – любитель психологической и «около того» литературы Георгий распрямлял авторитет, не забывая отправлять в рот аппетитные кусочки прожаренной телятины.

– Нет, мы будем рассматривать сильно замусоренный случай – нам-то лет уже – огого. Барахла ненужного в голове – немерено. Там, обиды всякие, комплексы полноценности и наоборот. По одной выдергивать занозы уязвленного самолюбия, несчастных любовей и тупо вирусов – себе дороже, остатка жизни не хватит. Короче, связываться с чисткой реестра не будем. А вот если взять это все – и отформатировать. Причем в более продвинутой файловой системе. Скинуть на флешку необходимый минимум ценной информации, да переустановить ось.

Мишка, более близкий к техническим вопросам программного обеспечения, нежели Кеша – заместитель командира отдела доставки, возражал:

– Нет, не получится, ведь это, считай, полная потеря памяти. В жизни, конечно, можно головой удариться больно-пребольно, заполучить шикарную амнезию, как в длинных сериалах, чтоб она отретроградила тебя по самые ясельки. Только как-то жалко прожитых лет – не все же там мусор. И если воспринимать мозг, как компьютер, то не на все 100 процентов. Что

такое флешка для жизни – ее просто нет! Ты же не можешь хранить свою память кроме как в своей голове. Ну да, бывают всякие фотографии и видео знаменательных событий – но как ты сохранишь запах любимой женщины? И вообще, считается, что в подсознании вся информация чуть ли не с момента зачатия хранится. А если верить в реинкарнацию, то еще и прошлые жизни аккуратно заархивированы. В общем – форматировать нельзя, ведь это, считай, полная потеря памяти...

В разговор включился я, несколько легкомысленно произнеся:

– Но можно, например, шпионить у Господа Бога еще одну лицензионную версию Жизни. Разбить жесткий диск на два-три, и поставить разные файловые системы. Ну, например, FAT32 и NTFS – одна быстрее с мелочью работает, у другой защита информации лучше. Скинуть инфу на один логический диск. Переставить операционку. А на другой поставить более продвинутую вторую ось, с Божьей помощью...

– Ага, будет бог тебе помогать, если ты у него шпионил лицензионный продукт. Может, смысл всей твоей жизни – это альфа-тестирование операционки Жизнь1985.25.09, причем, урезанной версии. А ты тут хочешь себе установить Жисту8, да еще и не русифицированный вариант! – скептицизм Михаила бил через край.

– Ну, ладно – шпионить, это я так, по пути наименьшего сопротивления. Мы же взрослые люди, можно же и купить, в конце концов. В смысле, приобрести легальным путем – заслужить праведными делами. Например, на ниве борьбы с шаманизмом. Или образцовым соблюдением седьмой заповеди.

– А что это за заповедь? – спросил Кешка, ровненькими полосками разрезая «мясо порьщарски».

– Не прелюбодействуй, – Жорик произнес это, будто бы личное наставление собственному потомку, причем сопровождалось это намерением треснуть самого молодого из нас Кешу по голове ложечкой из теплого салата «Жанна Д'Арк», который на поверку оказался обычным «Цезарем» с курицей.

– Ну да, а винчестер-то у тебя один! Ты, конечно, можешь выбирать операционку, но только при загрузке, либо в boot.ini надо ковыряться каждый вечер, перед сном, то есть отключением. Определяя, каким человеком тебе завтра проснуться. Замечу, что из FAT32 ты не видишь, что у тебя на диске под NTFS записано.

И просыпаешься ты утром в FAT32, чтобы быстро переделать кучу всяких нудных мелких домашних дел. Рядом жена спит. С которой твое тело познакомилось, будучи под новой операционкой. А под старой ты ее не помнишь, – Миша тряс головой, словно партизан на допросе. – И тещу не помнишь. И что детей двоих нарожал – не помнишь, не знаешь! Вся информация за последний пяток лет тебе под старой системой недоступна!

– Да ладно, чего ж вы все так буквально к компу привязываете? Допускаем, что все ты помнишь – и последние годы, и сопливое детство, и супружницу любимую. Начинают же люди жизнь заново? И в молодости, и в зрелости. Помнят же, что с ними раньше-то было? Может, они и есть счастливые обладатели новых версий!

– Вот тут я не согласен – они как раз практически забывают старую жизнь. То есть, можно считать, не имеют доступа к Первой жизни – ну разве что, на уровне сторонних носителей. Тех же фото и видеозаписей, плюс знакомых из прошлого. Ни чувств старых, ни привязанностей, ни обид. Так, скупые информационные факты. А это о чем говорит? Что версия на порядок ниже – ведь каждая следующая поддерживает предыдущие. Ну, как правило...

– Ну да, или в небесной канцелярии надоели их барахтания, и им жесткий диск потеряли, и все заново установили...

– А, может быть, производителя сменить на другого – не все же тебе Майкрософт. Есть еще и Линукс, и Макинтош...

– А какой это такой другой производитель? Бог один, – я раскачивался на стуле в нетрезвой серьезности, обличающе взирая попеременно то на одного, то на другого. – Сатана? – последнее слово было произнесено несколько громче обычного, и даже слегка перекрыло фоновый шум в «Рыцаре». За моей спиной тут же материализовался официант Сережа с мефистофельскими усиками, концы которых были приподняты дежурной улыбкой.

– Что вам угодно?

Жора вздрогнул и размашисто перекрестил стремительного работника сферы общепита, скомандовав ему:

– Сгинь! Но тут же шелкнул пальцами, задерживая официанта, и, обводя стол глазами, добавил: – Водочки еще и сочку грейпфрутового принеси, пожалуйста.

Сережа, кивнув, испарился в полумраке заведения так же молниеносно, как и нарисовался. Мне даже показалось, что это не сигаретный дым за ним вьется, а густая элитная сера из преисподней.

– Ладно, все это тонкости. Нам сейчас совершенно не принципиально в них разбираться. Нам нужна концепция построить. У нее еще скелета нет, а вы уже спорите, куда этому динозавру половые органы приставить...

Я встал. У меня заканчивались сигареты. Обычно я бросал празднично. То есть последней выкуренной пачкой, как правило, становился какой-нибудь необычный сорт сигарет, что-нибудь новое или хорошо забытое старое. Дорогое и красивое.

Я подошел к бару и долго разглядывал презентацию табачных компаний, пока не остановился на светло-бежевой высокой пачке. С красиво срезанными ребрами – прямо как у настоящего гробика. Хмыкнув, я приобрел эту символичность у бармена, который, не переставая нервно разговаривать по мобильнику, услужливо улыбаясь одними губами, пошелестел пачкой за барной стойкой, и отдал мне ее распакованной. Я взглянул на зал. С моей позиции он просматривался идеально, клубы дыма над столиками и красноватая подсветка создавали фееричное впечатление, будто находишься в таверне, освещенной камином-жаровней.

Вечером здесь играла живая музыка, и сейчас, по чьему-то заказу, музыканты задушевно выводили «Владимирский централ», что, в общем-то, не было типичным репертуаром для данного заведения. Но эта икона шансона идеально вписалась в пьяное настроение среднестатистического средневекового программиста.

Пока я, выковыривая сигарету, обследовал пальцами свой последний гробик (пardon, предпоследний – последний будет непременно из дорогого лакированного дерева, и сделают его только лет через семьдесят), меня заинтересовало небольшое происшествие.

Все столики были заняты, а пара пустых – зарезервирована, и ввалившаяся в кабачок троика девиц запнулась на администраторе. Как оказалось, столик ими был предварительно заказан, но пока две из них выясняли это, третья подошла к стойке. В легком шоке я раскуривал сигарету со стороны фильтра, не замечая этого, и откровенно пялился на девушку...

Глава третья, в которой герой дважды успевает покраснеть

*Твои волосы, руки и плечи – твои преступления,
Потому что нельзя быть на свете красивой такой.*

М. В. Андреев

Ее глаза были большими и красивыми. Я бы даже сказал, огромными и прекрасными. Нежное голубое сияние мягко окутывало верх ее лица, подсинивая поразительно чистые, словно юная снежинка, белки глаз, и трепетало сквозь приопущенные ресницы феноменальной длины, делая их еще более пушистыми.

Мне вообще глаза кажутся в человеке самой главной чертой, а в ее случае и вздернутый носик, и изящная волна верхней губки, словно специальные указатели, тихо шептали на всех языках мира: «Смотри мне в глаза...». Даже тонкие брови почтительно огибали этот волшебный свет настолько высоко, насколько это было возможно сделать, не принеся ущерба красоте этого необыкновенного лица.

Она немного отошла от стойки, и стало видно ее гибкий профиль. Мой взгляд скользнул вслед ниспадающим пшеничным волосам, густым и ровным. И, подобно лыжнику на трамплине, следуя безупречной геометрии тела, отскочил от упругого зада, даже не добравшись до нижнего края короткой, но аппетитно пышной фиолетовой юбки, которая соблазнительно подрагивала елочкой из трех ярусов, обрывающихся задолго до колен – девушка словно пританцовывала в такт музыке. Музыка моего сердца. Мне просто хотелось так думать, ибо нимфа, душевно выплясывающая под «Владимирский централ», автоматически теряла основной пакет акций в моих глазах. Хоть мне и нравились некоторые песни Михаила Круга.

Я судорожно глотнул ядовитый дым и снова взглянул на нее – уделив на этот раз внимание не очень большой, но, скорее всего, безупречной груди, обтянутой белым топом, и обнаженному участку загорелого живота, который являл взору пирсинг желтого металла, уютно спрятавшийся в глубоком пупке.

Стройные ноги были обуты в короткие сапожки белой кожи на стальной шпильке, и, глядя на ее икры, я готов был расплакаться в умилении. Пытаясь накрутить на палец сантиметровую прядь волос у правого виска, я наливался оптимизмом, думая о том, как не повезло Александру Сергеевичу, нашему, Пушкину, с поиском «хоть пары стройных ног», и как повезло мне – ибо я лицезрею (или ногозрею?) их эталон. Легкую кожаную курточку под цвет сапожек девушка держала, набросив на руку.

Вообще-то, уж не знаю, в силу каких именно особенностей собственной психики, но – я не влюбляюсь с первого взгляда. Скрупулезный анализ всех моих влюбленностей позволил мне выявить формулу собственных привязанностей.

Сначала я вообще не замечаю свою будущую любовь. Но, поскольку, девушки и женщины, в которых я влюбляюсь, все же неординарны и красивы, и привлекают других мужчин – причем в количествах, за которые Минздрав непременно бы отругал, и даже отшлепал, а не просто предупредил – я непременно вовлекаюсь в обсуждение их достоинств. Только, в отличие от своих друзей или знакомых, уже наглотавшихся розовой влюбленной облачности, я выступаю в роли трезвого обвинителя.

И без устали, аргументировано и убежденно ставлю акценты исключительно над недостатками. Я искренне негодую и плююсь, кручу пальцем у виска и хохочу над вкусом несчастных влюбленных, бесспорно полагая, что сам никогда бы не попал под чары этой красотки, потому что – а), затем, б), и еще у нее в), и, что уж совсем в ворота не лезет – г).

После этого, проснувшись каким-нибудь, до неприличия добрым и солнечным утром, я обнаруживаю себя, по самое не хочу влюбленным в предмет недавней беспощадной критики. И это самое недавнее «не хочу» вероломно меняет знак на противоположный. Причем положение моих дел оказывается гораздо более запущенным, чем у утешаемых мною накануне сотоварищей. В общем, влюбляюсь своеобразно. Медленно, но верно. Всерьез, так сказать, и надолго.

Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове, и из этого вороха нарядной лирики и психологии, блеснув холодной и безапелляционной обыденностью, отделилось простое стеклянное зерно уверенности, что в отношении сей прекрасной особы чувство любви я не испытую – увы и ах, ибо нарушен привычный ход вещей. Вместо того, чтобы сейчас раскритиковать ее, а потом влюбиться, я стоял и искренне любовался этим совершенным телом, абсолютно не замечая никаких недостатков. Ну, и не стоило забывать о том, что я никогда не был влюблен одновременно в двух дам, а на сегодняшний день сердце мое безраздельно занимала Ирина.

Девушка улыбнулась мне, и сделала какой-то непонятный жест, однозначно имея в виду мою сигарету. Я опустил глаза и понял, что до середины докурил фильтр. Боже, какой конфуз! Стою расфуфыренным самцом, а веду себя, как лох. Я покраснел, затушил сигарету, и быстренько ретировался к своему столику, чертыхаясь про себя и дурацкую невнимательность. Люди, поверьте, не стоит начинать курить! И уж, тем более, не стоит начинать курить с фильтра!

Беседа за столом, видимо, несколько обострилась:

– Речь идет о банальной ответственности за свою собственную жизнь! – вещал Жора менторским тоном.

– «Об анальной ответственности» – это сильно сказано, – как бы что-то новое поняв в существующем мире, Михаил закивал головой, дожевывая хрустящий огурчик-корнишон.

Тут, наконец, до пьяной кампании дошла саморожденная шутка юмора, и мы долго ничего не могли сказать, давясь от смеха и вытирая слезы. Истерика длилась минуты три, и за это время у нас появились соседи – как раз те самые девушки. Кавалеры галантно прекратили ржать, и принялись пить дальше.

Вскоре Жора почувствовал себя сводником. Он молниеносно угадал ту девушку, которая привлекла мое внимание.

– Пойди, познакомься, – толкнул он меня локтем. Такая девушка один раз в жизни появляется. Второго подобного случая тебе не представится. Тем более квартира пустая, Ирка будет только послезавтра.

– Да она и так счастлива, без меня. Видишь, как заразительно улыбается, – я отнекивался, пытаясь заглушить внутреннюю неловкость развязным тоном.

– То, что она улыбается, говорит только о том, что она веселая, – мой довод был повержен без единой секунды на раздумывание.

– Ну, видишь, у нее глаза блестят, а они еще ничего не заказывали. Значит трезвая. Но – счастливая, – я значительно ткнул указательным пальцем в потолок.

– Эх, молодежь и подростки, все вас учить. Блестящие глаза говорят о прекрасном самочувствии. Еще – о живости ума и характера. Возможно, о наличии хорошего чувства юмора. А чтобы с уверенностью сказать, что девушка счастлива, к первым двум признакам кое-чего не хватает...

Я вопросительно взглянул на расплывшегося в снисходительной улыбке Жорика. Не стану же я ему объяснять, что никакого желания изменять Ирке, даже в мыслях, у меня нет. Не принято это как-то, в мужской-то компании. За слабость сочтут.

– У счастливой девушки, плюс ко всему, должны быть стертые коленки и локоточки, – аналитик плотоядно, но тихонько заржал, разливая всем новую порцию горячительного.

Через часик Кешка и Мишка уже по разу станцевали с соседками, но к той, которая научила меня курить сигареты обратной стороной, никто не подходил. И я не решился. К чему

это гусарство? У меня есть любимая женщина, мне вполне достаточно ее внимания. А главное, эта любимая женщина любит меня. Ни за какие коврижки я бы не хотел доставлять ей негативные эмоции. Ведь в нашем мире любая тайная вещь когда-нибудь становится явной...

Народ усиленно наливался спиртным, я скромничал, пил по полрюмки. Завтра нужно будет вести машину, поэтому сегодня набираться не стоило. А я уже был хорош. Не желая усугублять завтрашнее вождение автомобиля дорогостоящим перегаром, я собрался. Оставил свою долю денег, и распрощался с дружной компанией. Уходя, чуть не упал у столика девушек, споткнувшись. Выронил из кармана злополучные сигареты и зажигалку. Девушки прыснули, а я, приняв уже привычный сегодня нежно-розовый окрас (Боже, какое счастье, что освещение в тон, никто не заметил), поднял выпавшее, вымученно улыбнулся, и еще раз махнул товарищам рукой. Было десять часов вечера.

Выйдя на улицу, я почувствовал себя свободным человеком. Моя душа парила над этими прекрасными серыми улицами, пыльными домами и деревьями. Над головами спешащих прохожих и раскачивающимися кронами деревьев. Душа пела и выплясывала на сверкающих от блеска фонарей крышах автомобилей, убегала вперед и заглядывала в лица прохожих, кружась вместе с жухлой листвой на тротуаре. Звучала в ушах щемящей осенней лирикой.

Все складывалось, как нельзя лучше. Я был счастлив – и понял, что очень соскучился по этому чувству. До сего момента все время куда-то надо было бежать, что-то форсировано доделывать. Постоянно приходилось перекраивать свои планы, потому что каждый новый день вносил свежие и незапланированные коррективы. Ничего в результате не выполнялось в срок, делалось буквально в последнюю минуту. Вся эта сумасшедшая спешка сильно утомляла и не давала времени насладиться работой и жизнью – расслабиться и почувствовать вкус.

Дома тоже не все было гладко – время от времени Ира начинала намекать на то, что меня не ценят на работе так, как должны бы были. Что я очень много работаю, но заработанные мною деньги делятся на всех. А лавры вообще обходят стороной. Что я рохля и не могу постоять за себя, потребовать свое кровное.

Я кривился, но даже не начинал оправдываться – был абсолютно уверен в том, что деньги за работу получаю адекватные. Общение с некоторыми своими одноклассниками показало, что у них было заметно худшее финансовое положение, и их работа – утомительная и абсолютно не творческая, отнимала гораздо больше времени, и хуже оплачивалась. Хотя, возможно, они просто прибеднялись, не желая быть со мною честными до конца. Все равно я был доволен. И работой, и теми деньгами, что за нее платили.

А Ира, если честно, со своим максималистским подходом к жизни, всегда о чем-то ворчала, если это касалось только меня. Если это касалось каких-нибудь, совершенно скромных, успехов нашей совместной деятельности – недавнего ремонта в спальне, например – все ее радовало, и было достойно гордости. Хотя уже через месяц наклеенные нами обои кое-где на швах отстали, а местами вздулись небольшими пузырями. Обращать внимание на эти пузыри, по негласному закону, запрещалось.

Если же приходилось говорить о сугубо личных достижениях Ирины – тут всегда нужно было начинать с искренних дифирамбов. Не меньше. Иначе все могло закончиться некрасивой истерикой и парочкой ночей без секса. Но она – женщина, ей невозможно жить без комплиментов. Помнится, мне пришлось нахваливать приготовленную ею говядину с инжиром, после которой дня три ныл желудок, а весь вечер во рту оставался довольно странный привкус – следствие художественного обугливания инжира посредством духовой плиты.

Теперь все эти мелочи пропали из зоны видимости. Вокруг было Здесь и Сейчас, и эти Здесь и Сейчас мне очень нравились. Я готов был расцеловать их и потискать за мягкие места – при условии принадлежности их к противоположному полу. И по-дружески обнять, если это

были мужские субстанции. О чем-то среднем я старался не думать. Непонятных существ «а-ля унисекс» достаточно и в обычной жизни, а сегодняшний вечер обычным не был.

Неумение выражать собственные чувства абстрактным категориям требовало выхода. Я был готов распространить поистине вселенскую приязнь, овладевшую моим существом, на всех окружающих. За малым не обнял постового гаишника на углу Большой Садовой, и не похлопал его по плечу, растягивая собственную улыбку от уха до уха. Мое внимание своевременно привлекла какая-то дворняга, иначе полицейский пережил бы сильнейшее впечатление за эту смену – ибо я, обнимая его, собирался философски качать головой и ни-че-го не говорить. Чтобы не мешать проникновению Вселенской Любви через мою, вне всякого сомнения, Озаренную сущность, в сущность блюстителя порядка.

Грязно-белая собака средних размеров лежала в подворотне ЦУМа, и практически ничего не делала. Разве что созерцала текущий мимо нее людской поток, и, видимо, медитировала на него. Побочным результатом этой медитации стал выуженный из вереницы пешеходов я, который подошел, присел на корточки и потрепал собаку за ухом, качая головой и ни-че-го не говоря, а лишь распространяя собственную улыбку от уха до уха.

Собака не очень любила запах алкоголя, но не укусила Озаренную сущность. Она высунула свой длинный розовый язык и часто задышала, подарив мне не менее приятный букет органического происхождения из собственной пасти. За это уличной псинке была скормлена затаившаяся в кармане, как раз для подобного случая, конфета.

Я внезапно передумал идти к остановке общественного транспорта, а решил прогуляться. Благо, погода располагала – было относительно тепло и до пыльности сухо, несмотря на конец осени. Боже, кто бы знал, к каким последствиям это приведет...

Глава четвертая, в которой незванным гостем приходит похмелье, пугая и удивляя

– Это конгениально, – сообщил Остап Ипполиту Матвеевичу, – а ваш дворник довольно-таки большой пошляк. Разве можно так напиваться на рубль?

И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев»

Суббота начиналась плохо. Голова, похоже, после вчерашнего все-таки треснула где-то над переносицей. Сначала расстрельной очередью затрещал будильник, напоминая о том, что сегодня рабочий день. Короткий, но рабочий. От того, что работа должна была закончиться нынче не в 18.00, а практически сразу после обеда, мне легче не становилось. Будильник продолжал строчить очередями. Все они точнехонько попадали в район мозжечка. Я, хоть и не мешал накануне водку с портвейном, полностью отождествлял себя с булгаковским Лиходеевым. Поэтому, роняя перья, накрыл голову влажной от пота подушкой, прошептав пересохшими губами: «Расстреливайте...».

Пульсирующая боль в голове и тошнота продолжить сон не позволили. Я был готов отдать полцарства за стакан рассола, а за бутылочку прохладной минеральной воды ненадолго бы одолжил собственную душу. Хотя возникали серьезные сомнения по поводу того, находится ли все еще она в теле.

С трудом сел на смятой кровати. Дрожащими руками дотянулся до будильника, и испытал намек на первые, с утра, положительные эмоции, когда он заткнулся. Под ногами валялась пластиковая полторашка «Нарзана», предательски пустая – а ведь вчера она была полнехонькой.

– Сушняк, однако, – удивился я, но не искренне.

Раненым комиссаром доковыляв до санузла, болезненно морщась от малейших прикосновений окружающих предметов к моему телу, я открыл холодный кран, и долго и жадно пил воду прямо из него, наплевав на хлорку и прочие химические и органические примеси. После минутного облегчения стало дурно, и я не на шутку испугал белоснежного фаянсового друга. Неоднократно и не эстетично. Зато после этого акта вандализма реально полегчало.

Пустив воду в джакузи, я отправился на кухню ставить чайник. Каждое движение давалось с трудом, меня шатало. Изображение было практически черно-белым, и темный тон преобладал. Изредка в голове начинала играть музыка из вчерашнего репертуара. Было ощущение, что я всего час назад прекратил пьянствовать. На лбу выступила испарина. Глаза болели так, будто бы я сутки просидел перед экраном компьютера в прокуренном помещении. Делать ничего не хотелось и не могло, но на работу необходимо было идти, чтобы написать сопроводилку к законченной мною программе, которая вот-вот должна отчалить на тестирование к заказчику.

Вот же идиот! Надо было вчера закончить все эти несущественные моменты, опоздал бы на часик к «Рыцарю», зато сегодня можно было бы на работе не появляться, сказавшись больным. При воспоминании о «Рыцаре» опять замутило, и я вернулся к отдышавшемуся, но рано обрадовавшемуся унитаду.

Насколько я помнил, так плохо мне никогда не было. Да и опьянение было каким-то странным. Картина вчерашнего вечера была смазана, из нее торчали яркими пятнами какие-то несущественные события, а все остальное было написано бледненькой неумелой акварелью. Кое-где виднелись совсем незакрашенные участки. Сегодняшнее мое «я» вообще сомневалось в своей принадлежности к авторству этого батального полотнища.

Я абсолютно не помнил, куда черт меня понес после кабака, и главное – зачем. Помню, такси до дома я поймал в районе набережной, но что я там делал, оставалось загадкой. В такси я шутил, рассказывал шоферу анекдоты на тюремные темы, пил пиво из примятой жестяной банки и вообще вел себя, как заправский урка. Это было, по крайней мере, странно.

Я никогда не был мальчиком-паинькой, рос в довольно криминальном районе. Но сам дел с криминалом не имел, так – детские шалости и общие познания, полученные в подростковом возрасте от дворовой шпаны, с которой давно уже не znalся.

В такси же я общался исключительно на фене – хотя это-то как раз объяснить было можно. Шутки памяти – в свое время мне попала в руки книжка «Тюремный жаргон», которую я с интересом прочел. Много нового оттуда почерпнул, но в совершенстве «ботать по фене» все равно не научился. Так, запало несколько фраз, которыми я иногда удивлял своих рафинированных знакомых.

Мое вчерашнее поведение, на фоне сегодняшнего самочувствия, особенно не волновало – волновало другое. Нужно было ехать на работу. Приняв чуть теплую ванну, я понял, что жизнь постепенно возвращается в мое тело. Расход движений на бритье требовал немыслимого по размеру аванса сил, и этот аванс был единодушно отклонен Советом Старейшин.

Впрочем, я бы не удивился, если бы в моей голове Совет Старейшин, после вчерашнего, передох полным составом. И было впору объявлять выборы нового Царя Головы...

Насыпав от души сахара в кружку с горячим зеленым чаем, я через силу сделал несколько глотков, и, закурив, вышел в прихожую. Черные спортивные туфли, в которые я вчера был обут, представляли собой душераздирающее зрелище. Толстый слой пыли, царапина на носке левого туфля и оторванный шнурок на правом придали картинке вчерашнего разгула ужасающие оттенки. Если уж я не помнил истории загубления любимой обуви, не удивительны и остальные белые пятна.

Состояние, и так омраченное нездоровьем, усугубилось стыдом за свое, наверное, жутко неприличное «пострыцарское» поведение. Холодной молнией мозг прошла страшная мысль: «А вдруг я вчера кого-нибудь убил?», но тут же логически завершилась возвращающимся чувством юмора: «И съел».

При мыслях о еде опять замутило, но я сдержался – зря испугано заскрежетал за стеной унитаза своими трубами, ожидая от меня очередной пакости. Недокуренную сигарету пришлось выбросить, дабы не усугублять свое тошнотворное состояние. Тут я, кстати, вспомнил, что бросаю курить – очень своевременной была моя отсрочка этого ответственного шага на лишний день.

Вернувшись в гостиную, нашел в аптечке аспирин, анальгин и активированный уголь. Запил фармацевтический завтрак остывшим чаем и отправился взглянуть на свой вчерашний наряд.

Иссиня-черные джинсы были с вечера аккуратно сложены в холодильник, что стало мне известно еще при поисках лимона для чая. Носки, почему-то, оказались в задних карманах. Одежды же с верхней половины тела не видно было нигде. После долгих поисков, заставляющих нагибаться и испытывать от этого приливы тошноты, я было отчаялся. Но когда понес к стиралке вчерашние носки, пропажа нашлась.

Когда-то белоснежная сорочка, покрытая пятнами пива, возлежала в стиральной машине, и слала мне пламенный воздушный поцелуй с отпечатка розовой губной помады на воротнике. Я похолодел. Мы всегда боимся того, чего не знаем. В моем случае – о чем не помним. Из нагрудного кармана я извлек водительские права и несколько смятых купюр.

В машинке оказался и шерстяной джемпер, наверное, тоже в пятнах – их не было видно из-за насыщенного черного цвета. Также из барабана стиралки была извлечена хрустальная пепельница с горой окурков. Ну еще бы, логично. Вообразил, что пепельницу необходимо постирать. А ведь мог бы, решив, что пепельница – штука одноразовая, просто выбросить ее

в мусорное ведро. Я с трепетом обследовал окурки – ни на одном помады не было. Вздохнув с облегчением, я затаил надежду выяснить, чей же отпечаток остался на воротнике.

Нацепив свежую сорочку и костюм – любую другую одежду необходимо было гладить, а сил на это не было – я добавил к своему гардеробу черный плащ. Взбрызнулся очередным шедевром от Baldessarini и вышел из квартиры на площадь. Но тут же вернулся за ноутбуком и зонтом. Вчерашняя солнечная осенняя сухость сменилась плотным мелким дождем, немного похолодало. Количество луж и их наполненность говорили о том, что дождь шел уже давно, а свинцовая серость неба обещала, что такая погода надолго.

Легкие физические упражнения, которые пришлось проделать, отыскивая одежду, немного разогнали кровь. Они придали несколько оживляющих мазков моей зеленоватой физиономии. Поэтому ссутулившиеся от избытка влаги прохожие не пытались перекреститься при моем появлении. А горемычная пара похмельных алкоголиков у магазина проморгала в моем лице вероятного «третьего».

Купив бутылочку минеральной воды, я влез в маршрутку. Которая, подобно скоростному глассеру, унесла меня по водно-асфальтовой глади в рабочее субботнее утро.

Глава пятая. Кто, где, когда?

*А может это страус злой,
а может и не злой.
А может это дворник был...
Он шел по сельской местности
к ближайшему орешнику
за новой метлой!*

Э. Успенский, из м/ф «Пластилиновая ворона» (1981)

Поздоровавшись с серого вида Мишкой и его дымящейся чашкой (сегодня из отдела были только мы вдвоем), я принялся редактировать свои комментарии по программе, собирая их из разных файлов и самого программного кода. Никогда не получалось вести работу с самого начала систематизировано, и записывать всякие нужные вещи в одно место. За три часа непомерных мозговых усилий написал сопроводительное письмо-инструкцию, и собрался к шефине.

Непосредственным моим начальником была супруга шефа – Алина Сергеевна. Она, в отличие от самого Колосова, в программировании понимала, определенно, побольше меня. Это была высокая зеленоглазая брюнетка лет 30, хотя, почти наверняка, лет ей было больше – просто выглядела она очень хорошо. Алина обладала магическим грудным голосом и какой-то весьма необычной мелодикой речи – слушать ее можно было бесконечно.

Мужчины, почему-то, с недоверием относились к тому, чем она занимается. Считая, видимо, что настолько обаятельная женщина не может трудиться на такой специфической работе. Некоторые из заказчиков откровенно полагали ее должность номинальной, «мужниной синекурой», и отказывались воспринимать ее, как серьезного программиста и аналитика.

Убедившись в этом, она особо не афишировала свою профессию. Представлялась, при необходимости, на всяких официальных приемах и вечеринках, куратором проекта, или еще кем-нибудь. Главное, чтобы это соотносилось с ее внешним видом и, собственно, полом. Хотя сама профессию свою боготворила, и была великолепным профессионалом своего дела.

Все сотрудники ее любили – ну, возможно, за исключением пары-тройки девиц, лицемерно улыбающихся ей навстречу, и неприятно кривящихся за ее спиной. Имела место версия, что такая реакция обусловлена прошлой любвеобильностью ее мужа, Александра Ивановича – который, якобы, в молодости не пропускал мимо ни одной юбки, и до сих пор был весьма привлекательным сорокалетним мужчиной.

Алина Сергеевна сидела в своем кабинете, огромный офисный стол был завален бумагами и дисками, и из-за трех мониторов ее практически не было видно. Поприветствовав шефиню, я водрузил на крохотный свободный островок столешницы подготовленную документацию и диск с исходником. Она устало кивнула, спросив, что, по-моему мнению, представляет из себя Вадик Шлепковский.

Я пожал плечами – Вадик работал у нас всего месяца три, занимался web-интерфейсами. Сейчас как раз был в командировке. Какой он человек, никто из сотрудников с точностью сказать не мог – Вадик был малообщительным, и старался избегать всяких коллективных мероприятий. Лично мне он не очень нравился – взгляд у него был какой-то скользкий, да и общий вид не очень опрятный. Примерно такое же ощущение у меня бы вызывал червячок, если бы его, подобно Шарикову, удалось бы очеловечить. К Шлепковскому и погнало прикрепились не очень лестное – Шлямбур. Видимо, из-за худобы, высокого роста и кажущейся внутренней пустоты.

– Да вроде, справляется, – ответил я. – А там бог его знает. Он практически ни с кем не общается. Даже на обед не ходит – постоянно в офисе торчит, работает. Может, с собой бутерброды таскает, может, на гастрит копит, – я вымученно улыбнулся. Все, что касалось желудочно-кишечного тракта, до сих пор поднимало во мне тошноту.

Она кивнула, вернувшись к своим делам, а я отправился обратно в отдел. Мишка пил очередную чашку кофе, придерживая левой рукой голову, тоже явно потяжелевшую после вчерашнего вечера.

Я сделал слабенький кофе себе, и подъехал к нему на своем кресле. Начал нетривиально:

– А скажите, батенька, вы розовой перламутровой помадой не пользуетесь? – мимика моя была на больничном, поэтому я улыбнулся одними уголками губ. Глаза сохраняли страдальческое выражение.

Мишка поперхнулся кофе, и посмотрел на меня, будто на заезжего сумасшедшего коммивояжера:

– А чего, есть хорошая и недорого?

– Ты, сволочь, вчера сидел слева от меня, а я на левой стороне воротника рубашки сегодня утром обнаружил отчетливый, как отказ королевы, отпечаток розовых губок, – я осторожно покачал головой, и с сомнением добавил:

– Да нет, те губки явно попухлее твоих будут, – непомерным усилием вытянул собственные губы, целуя воздух, и как бы сравнивая размерчик. Любое движение лицевых мускулов вызывало неприятное ощущение, что я – почетный обладатель недорогой китайской физиономии из жесткого зеленоватого пластика, взятой на денек в пункте проката. Причем, размерчик был явно не мой.

Он махнул рукой, с облегчением вспоминая:

– Да это мы пошутили. Знали же, что Ирки нет дома, и ты следы успеешь убрать. Но ты вчера был такой пьяный, что устоять не смогли. Жора подговорил эту красотку за соседним столиком, помнишь, Настю? Она поцеловала салфетку, а приложить ее к твоему воротнику было уже делом техники. Да не обижайся, вспоминай, как сам пошутил 8 марта?

Я не знал, что девушку звали Настя – это они уже после моего ухода перезнакомились. А вот свою шутку накануне женского дня помнил хорошо...

Органическая неприязнь к Хомкиной супружнице, да и к нему самому, меня сподвигла. Праздновали женский день на работе, 7 марта. Все закончили свои дела пораньше, и собрались в холле на торжественную часть, которая обычно много времени не отнимала. После поздравлений и подарков любимым женщинам от лица мужской половины организации, должно было наступить безудержное веселье. Которого все и ждали с нетерпением – ибо что может быть интересного в стандартном подарке. Шампунь какой-нибудь, гель для душа, открытка с поздравлением, да бутылка шампанского. Ну, что-то в этом роде.

Праздник не был сугубо корпоративным – приглашались все супруги и супружницы работников фирмы. Так как коллектив, в основном, был довольно молодой, количество обремененных узами брака было небольшим, да еще и не все пришли. Но жена Хомки присутствовала – знойная женщина, мечта заикающегося поэта-декламатора. Крупная блондинка с выдающейся челюстью и неприятными духами, отчего-то напоминавшими мне испортившийся лимон, щедро политый «Тройным» одеколоном.

Давно не пользуюсь пословицей «снаряд дважды в одну воронку не попадает», и семейная пара Брутовых полностью подтверждала это мое мнение, ибо ей досталось по полной от обеих составляющих. Деструктивная энергетика вороватого и меркантильного до мелочности Хомки бледнела перед мощью этой гром-бабы, одна лишь манера общаться которой могла бы разрушить не одну семью. Короче говоря, Матильда Степановна Брутова была грубым, некультурным человеком с гипертрофированно высоким самомнением, абсолютно беспочвенным.

Недалекая любительница грязных сплетен – это, если не касаться ее оплывшей до состояния качественной рульки физиономии, было бы самым точным из самых коротких резюме. Однажды она пустила сплетню об Ирине – якобы та, на самом деле, никакая не сотрудница, а просто штатная шлюха – иначе за что можно получать деньги, если появляться на работе 1-2 раза в неделю? Видимо, не то что о фрилансе, а и о простом совместительстве Матильда не имела никакого понятия.

На Хомку я имел зуб давно, и не только из-за собственного разбитого кресла, вот и досталось обоим – ну и поделом, нечего других людей за глаза грязью поливать. Если уж быть до конца точным, коснулось это и еще одной женщины. И сильно коснулось – она потом дней десять в темных очках ходила, чтобы фингал видно не было. Человеком этим была сварливая уборщица Нона, внешне – родная сестра Матильды. Внутренне – диагноз тот же.

Именно она была разносчиком бредовой информации, которой всегда было в достатке у Брутовой – начиная от самых грязных интимных подробностей из жизни порядочных и уважаемых людей, и заканчивая идиотизмом по поводу того, что из продажи вот-вот исчезнут спички. Или последней «сенсации» о том, что Алина Сергеевна – сумасшедшая, которая мечтает построить себе памятник при жизни, причем выше и значительней пирамиды Хеопса!!!

А шутка, собственно, заключалась вот в чем. По моей просьбе Кешка (к слову, считавший что в празднике 8 марта очень символична сама цифра 8 – знак эрегированной бесконечности) проник в неопрятный кабинет Хомки, где хранились подарки для женщин, расфасованные в одинаковые пакеты. Минут пятнадцать у него ушло на то, чтобы найти нужный – в каждом уже находился собственно подарок, и поздравительная открытка, где был напечатан текст с одинаковым для всех праздничным стишком и разными именами адресатов.

Поскольку второй Матильды у нас не было, ошибка полностью исключалась. Кешка изъял открытку, вложив подготовленную мной. Вечерок в фотошопе позволил изобразить на лицевой стороне обнаженную Нону в объятиях обнаженного же Хомки с плотоядной улыбкой.

Не скрою, идентичных обнаженных фигур, соответствующих их параметрам, в интернете не оказалось (есть все-таки бог на свете, и оберегает нас от истинных кошмаров!), поэтому сгодились туловища в примерном приближении.

Стишок тоже несколько отличался от стандартного, и когда Матильда, фальшиво улыбаясь и одновременно кривясь по поводу ничтожности подарка, читала индивидуальное пожелание, лицо ее неуверенно меняло очертания, выбрав под конец изображение покрасневшей Медузы Горгоны. «Поздравление» начиналось позитивно:

Пусть льется Сплетня над Землю,
И в глазках ненависть горит!
Обгадишь всех своей брехнею –
Не помешает целлюлит!

Потом следовали рассуждения об ответственности человека за свои слова, а заканчивалось послание так:

Шестнадцать подбородков сальных
Чванливо дальше уноси!
Коллекцию речей охальных
Для ада лучше припаси...

К этому времени народ разбрелся, приобщаясь к фуршетному пиршеству, а Брутова и еще несколько человек стояли в отдалении, за колоннами.

Видимо, в поисках обратного адреса она перевернула открытку и впервые увидела свою подругу и благоверного в таком неожиданном ракурсе. Ее даже не смутило то, что на заднем фоне высилась Эйфелева башня, около которой Хомка, никогда не уезжавший далее дачи в Обуховке, оказаться никак не мог. В полном соответствии с тревожной окраской лица в цвет новенькой пожарной машины, она громко взревела, и принялась колотить пакетом с шампунем (какое счастье, что шампанское находилось в другом, иначе не избежать мне уголовного преследования за провокацию тяжких телесных повреждений) ничего не подозревавшую Нону, стоявшую неподалеку.

Досталось также и Хомке, но он, подозреваю, не раз битый дома, был ловок и умело прикрывался – его только шампунем залили. Остальной народ благоразумно переместился подальше от семейной сцены, отнеся ее к каким-то сугубо личным событиям из жизни фигурантов.

Никаких последствий для меня это происшествие не имело, так как открытка, основное доказательство, была скормлена жестко зафиксированному между мраморной колонной и разъяренной супругой Хомке. Больше Матильду на корпоративных праздниках я не видел, да и дружба ее с Ноной, несмотря на разрешившееся впоследствии недоразумение, благополучно дала дуба...

Глава шестая, в которой герой признается, что он – гипотоник, и рисовать не умеет

*Собака состоит из кусала, махала и ходовой части.
Кусало необходимо для захвата и удержания нарушителя, махало
– для подавания визуальных сигналов, а ходовая часть – для доставки
кусала и махала к месту преступления.
bash.org.ru – Цитатник Рунета*

После Мишкиных разъяснений от сердца у меня отлегло. Значит, все-таки, не настолько я вчера напился, чтобы в беспамятстве предаться блуду.

Мы еще немного потрепались, сдавленно хихикая над вчерашними происшествиями, естественностью смеха очень напоминая Бивиса и Батхеда. Ибо изнуренные организмы не могли позволить себе смеяться от души.

Когда основная на сегодня работа была мною закончена, я почувствовал, что очень хочу спать. Я вообще люблю подремать часок-другой после работы. И даже во время ее, если есть возможность. Потому, что я гипотоник – давление у меня постоянно пониженное.

Никогда не подозревал в себе такой каверзы, но, еще пару лет назад, я случайно попался в руки сердобольных женщин из юридического отдела. Дело в том, что они обладали собственным тонометром, и старались обладать им на все 200%. В их разгоряченные диагностическими экспериментами руки попадали все, кому неосмотрительно довелось взбледнуть, или, и того хуже, схуднуть.

Я очень радовался, что у них не было более изощренных медицинских приборов, и они ограничились тем, что измерили мне давление. Получилось 100 на 60, что не есть норма для здорового человека. Впрочем, это еще не значит, что я болен. Так – летчиком или космонавтом, конечно, не стану, но вот в отношении остального, все не сильно смертельно. Я потом в течение недели проверялся еще пару раз, всегда в послеобеденное время, когда уже самые недобитые совы просыпаются, и приборчик показывал то же самое.

Тогда я сел возле своего компа и не то, что пригорюнился – просто констатировал, что мой, давно и надежно философски оправданный Культ Лени вполне может быть развенчан по причине присутствия достаточно объективных причин – гипотоники любят спать и лениться. Им это просто необходимо физиологически.

В состоянии, усугубленном нынче тяжелым похмельем, я чувствовал это особенно остро. У гипотоников в коре головного мозга преобладают процессы торможения – эту информацию я с торжественным придыханием и благородной бледностью, вызванными беспокойством о собственном здоровье, в свое время почерпнул из Интернета. Там, правда, говорилось, что в этом низком давлении может и не быть ничего страшного – если человек себя хорошо чувствует. Я себя чувствовал хорошо. Не сегодня, конечно, а обычно. Когда не злоупотреблял алкоголем.

* * *

До обеденного перерыва было довольно далеко, поэтому, чтобы не смущать местных стукачей своим празднотанием, я зажал в подмышке пластиковую папочку с распечаткой характеристик нового мода для «Сталкера», соорудил озабочено-деловую физиономию, и, напевая «Ветер перемен» из «Мэри Поппинс, до свидания», отправился в бухгалтерию, где обитал аналитик и статистик Жора Колузаев.

Вообще-то, Жора находился не в самой бухгалтерии – у него был собственный кабинетик, рядом с тремя бухгалтерскими. В этой комнатке даже было узкое и высокое окно, выходящее на задний дворик фирмы, где в отдалении виднелась крохотная беседка – единственное место на всей территории «Колосов и А», где разрешалось курить.

Некоторые, кстати, бросали из-за этого пагубную привычку. Не всем улыбалось переться метров сто под дождем, чтобы оказаться в наполненной серыми лицами курилке. Как-то удивительно это было. Да и лишний раз заставляло задуматься о том, доставляет ли тебе удовольствие это чертово курение, или это ты его ему доставляешь.

Курить в помещениях фирмы было чистым безумием – везде стояли дымоуловители, да и доброжелателей хватало. В первый раз штрафовали на месячный оклад, потом – увольняли. В результате, уже через год этих драконовских мер, количество курящих сократилось примерно на 5%. А эффективность некоторых отделов на эту же цифру выросла – так говорил Жора, к которому стекалась вся статистическая информация по фирме, включая три ее филиала в других городах. Но на мое решение отказаться от сигареты повлияли совершенно другие соображения, о которых я уже высказывался.

Колузаев был полноватым шатеном, с довольно крупными лобными залысинами. Взгляд его стальных глаз был немного колючим – но это только для тех, кто его не знал. Остальных не могла обмануть эта искусная маска, под которой скрывался далеко не злой человек, с очень тонким чувством юмора и активной жизненной позицией.

Активной жизненной позиция Георгия Константиновича была по простой причине – он весьма сожалел, что человек очень быстро привыкает. Ко всему. И перестает радоваться и удивляться. Он был против привычек, и старался регулярно совершать какие-нибудь непривычные поступки. Если день прошел зря, и никакого подвига совершить не удалось, Жора хотя бы домой старался возвратиться другой дорогой. Которой раньше не хаживал. Нагнетал, так сказать, новизну посредством ножного привода, ибо на работу и с работы Жора ходил исключительно пешком – для здоровья.

Хотя он всем говорил, что прирожденный консерватор, каждый день непременно делал что-нибудь новое. Однажды, во время кризиса воображения и большого наплыва рабочих дел, он подкрался к секретарше Колосова Аллочке сзади, в темном коридоре третьего этажа. И громко гавкнул, сжав пальцами ее правую ногу в районе икры, что должно было имитировать собачий прикус. После чего метеором слетел вниз по лестнице, которая была всего в пяти шагах от кричащей Аллочке, стараясь не гроыхать обувь.

Пока Аллочка изображала вопящего сеятеля важных документов, которые, на свое несчастье, оказались в ту пору у нее в руках, Жора, по коридору второго этажа, добежал до другой лестницы. И снова оказался на заполненном секретарскими криками третьем, но уже с обратной стороны. Откуда только резвость в сорок лет берется?

Подойдя к Аллочке, он сделал вид, что прибыл сюда исключительно из-за услышанных воплей, и очень обеспокоен случившимся. А потом Жора принял настолько активное участие в успокоении всхлипывающей секретарши, что ему пришлось засчитать себе два необычных дела за этот день – вторым было прилюдное (народу собралось!) и неприкрытое, хоть и не хамское, ощупывание красивой девушки. Заметьте, не находящейся с ним в близких отношениях!

Аллочка не заметила многого. Например, того, как убежал Жора. Она была свято уверена, будто бы это реальная собака проникла в здание. Причем, исключительно для того, чтобы испугать ее до полусмерти и заразить бешенством. Аллочка не заметила даже, что ее беззастенчиво лапали в процессе успокоения. Причем прикосновения к некоторым местам должны были не успокаивать, а, как бы, наоборот.

Все подробности этой истории знали только я и Мишка. Больше никому Жора довериться не решился, ибо сам ошалел от произведенного эффекта – ему пришлось потом, как истинному

джентльмену убеждать Аллочку, что ей совершенно не нужно делать 40 уколов в живот, так как собака не прокусила кожу. И заражение бешенством произойти не могло!

В конце концов, он повез бедную секретаршу после работы в ветеринарную лечебницу. Где подкупленный им ветеринар успокоил впечатлительную девушку. И вколол какие-то безопасные собачьи витамины, сказав, что этого будет более чем достаточно для профилактики бешенства.

То ли из-за нервного стресса, то ли из-за побочного эффекта витаминной инъекции, Аллочка тоже нарушила свои поведенческие стереотипы. И вечер закончился для Георгия в уютной секретарской постели – именно там у Жоры возникли первые сомнения по поводу того, что Алла не обратила никакого внимания на его недавние поглаживания и тисканья в коридоре третьего этажа.

Безумства любовных утех, захлестнувшие их, имели место после 12 ночи, и педантичному Жоре пришлось отнести этот подвиг к следующему дню – и очень хорошо, ибо в тот день его сил не хватило бы даже на альтернативную дорогу домой.

И тогда у Жорика появилось второе сомнение насчет Аллочки – а именно, действительно ли она не видела его, убегающего после «укуса»? Потому что первый раз в жизни Жора почувствовал, будто бы ему искусно отомстили, высосав из него все соки. Стоит ли говорить, что такая месть ему очень понравилась?

Аналитик, в отличие от нас с Мишкой, выглядел замечательно. Как всегда, гладко выбритый, с румянцем на щеках и улыбкой на них же, он встретил меня укоризненным взглядом.

– Что, тяжело, мблodeжь и подростки, водку пьянствовать и безобразия нарушать?

– Да, такого у меня еще не бывало... Даже не все хорошо помню, – я лукавил. Кое что я не то что плохо помнил, а не помнил вообще.

– Вечером тошнило?

– Нет, только утром, – при воспоминании об этом, мне снова захотелось обратиться к фаянсу с пламенной, но невразумительной речью.

– Утром не считается. Поздравляю с окончанием первой фазы алкоголизма. Отсутствие рвотного рефлекса, фрагментарная память плюс толерантность к достаточно внушительным дозам алкоголя – первая ступенька. Вторая – запои, разрушение семьи и социального статуса. Третья уже не лечится.

Я ошарашено смотрел на Жору.

– Да не пугайся. В России 80 процентов взрослого мужского населения находится в той или иной стадии алкогольной зависимости. У меня вот вторая – я без пива утром себя румяным не ощущаю. Но реакция правильная – впору задуматься. Тебе еще детей рожать. Да и красотуля твоя, Ирка, с пьяницей жить не будет. Дать телефончик знакомого нарколога, он тебя по льготной цене закодирует?

Я изображал глазами максимально достижимые ими круги.

– Шучу, шучу. Все еще не настолько плохо. Но вчера ты был в ударе. Еще несколько десятков таких же метких ударов, и будешь работать не программистом, а начальником водоканчки средних размеров или уйдешь в богему, – здесь Жора несколько оживился:

– Давай пообщаемся, как художник с художником? Ты рисовать умеешь, как говорил Ильф с Петровым?

– Ильф с Петровым не говорили про «художник с художником». Эта фраза была в фильме, где Миронов с Папановым, а в книге ее нет, – я был немного растерян. – А рисовать я не умею.

– Не суть важно. Жалко, конечно, что рисовать не умеешь. Вот, смотри, – Колузаев протянул мне карандашный набросок. На нем с поразительной точностью была изображена Настя. Даже казалось, что серый грифель каким-то образом исхитрился, и подсинил ей глаза.

– Здорово! Подари!

– Это для каких таких опытов? – подозрительно сощурился Жора.

– А это когда Ирка будет снимать с меня скальп, вопя на всю площадь Пасечников: «Чья это губная помада у тебя на воротнике?», я ей с чистым сердцем предъявлю портрет руки неизвестного Жорика.

– Ну, шутка же... – замялся он, но я успокаивающе махнул рукой:

– Да ладно, проехали. Поделись лучше, как у вас там отношения с Аллочкой складываются?

Глава седьмая, «Зачем, аптекари, вы нас не любите...»

*– Прощай, наша встреча была ошибкой!
Из м/ф «Возвращение блудного попугая» (1988)*

Обедать я поехал на машине, хотя все излюбленные «обеденные кафешки» были недалеко. Так, на всякий случай. Проверить свою водительскую профпригодность после алкогольного стресса.

Как всякого преступника, меня тянуло на место преступления. Я очень быстро оказался «У Рыцаря», и, немного волнуясь, вошел внутрь. Точнее, попытался.

Заведение не работало. Оказывается, вчера ночью, уже после того, как ребята покинули это уютное гнездышко, сюда нагрянула полиция. Искали наркотики, но ничего не нашли. Забрали кое-кого из персонала, в том числе и бармена. Уставшая от бессонной ночи официантка, которая обслуживала меня раньше, больше ничего не знала.

Пришлось перекусить в соседней закусочной. Впрочем, я не сильно пожалел – «У Рыцаря» были великолепные вторые блюда, а на супчиках они не специализировались. Я же отведал первоклассный горячий хаш – и в желудке моем затеплилась жизнь. Правда, это стоило моей физиономии сильного покраснения и легкой испарины. Но краска вскоре улеглась, и я с наслаждением выкурил сигаретку за чашкой кофе, в общих чертах осознавая, как приятно было обезьяне становиться человеком.

На обратной дороге я заехал в аптеку. Необходимо было купить медицинского спирта для Иры – ей нужно было для каких-то примочек. Однажды я было сунулся в поход за подобным – казалось бы, абсолютно нормальный продукт для аптечного прилавка. Однако, в трех местах спирта не оказалось вовсе, а в четвертом заведении с меня затребовали рецепт. Рецепт на спирт!

От растерянности я даже назвал тогда симпатичную аптекаршу за окошечком доктором, и спросил, не нужно ли теперь заранее озаботиться направлением на покупку презервативов и рецептом на зубную пасту Жемчуг – именно эти коробочки оказались на витрине передо мной в тот момент. Мы еще немного поулыбались друг другу, но спирт мне все же не продали.

Теперь в злополучную аптеку с труднодоступным спиртом я заходил, заблаговременно вооруженный почти настоящим рецептом с серьезной печатью, аккуратно выполненной в фотошопе. Впереди стояла небольшая очередь. Первым в ней был прыщавый подросток, который покупал какие-то таблетки от кашля – судя по мутным глазам юноши, не иначе, как на основе кодеина.

Машину я припарковал в неположенном месте, поэтому очень спешил. И даже проявил свое нетерпение в регулярном перетоптывании на одном месте, а также многозначительных вздохах.

Впереди оставались два человека. Для чего они стояли по отдельности, было непонятно – ибо пришли вместе. И пить полученное пошли тоже вместе – могли бы купить все необходимое в одни руки. Первый взял два флакона боярышника, а второй – три пустырника. Наверное, из-за того, что пузырьки с пустырником были поменьше. А может быть, им достался какой-нибудь секретный рецепт Усмирения Печени, и указанные пропорции были строго определены.

Нетерпение мое доходило до предела – пока братья-алкоголики в обмен на долгожданные пузырьки старательно, монетку к монетке, выкладывали на потертый прилавок свою наличность, я отчетливо осознал, что, будь я участником суда присяжных по делу об импульсивном убийстве на почве общей раздражительности в похожей обстановке, голосовал бы за «оправдать».

Все же, видимо, в силу врожденного мазохизма, или просто для оправдания своего нарождающегося высокомерно-снисходительного взгляда на гаишника, который стоял в какой-нибудь полусотне метров от моей неправильно припаркованной машины, и не заметил такого вопиющего нарушения ПДД, я решил убить двух зайцев.

Раз уж оказался в аптеке, нужно было еще и презервативов купить. Ну, в конце концов, не всю же жизнь покупать их в продовольственном магазине рядом с домом. Некстати вовремя вспомнилась еще и недавняя просьба Гаврилыча, соседа сверху, который хотел поэкспериментировать с виагрой, но стеснялся купить сам. Я вызвался приобрести для несчастного мужика необходимый препарат, благо, сам никогда подобной конфузливости не испытывал.

А Гаврилыч являлся во всех отношениях полезным человеком. Он был великолепным мастером – на все руки. Порой мне казалось, что их у него не две, а несколько больше. Он мог разрешить любую неприятную ситуацию – от сантехнических и электрических проблем до обычной психологической помощи методом изречения какого-нибудь, опробованного на собственной пятидесятилетней шкуре, философского замечания или афоризма, типа «Жизнь – как зебра: белая полоса, черная полоса, белая, черная... А потом задница».

Одна беда – его огромное сердце с переменным успехом конкурировало в размерах с печенью, которой приходилось перерабатывать по несколько благодарностей в день от спасенных Гаврилычем сограждан. И это, конечно же, не преминуло отразиться на его половой сфере.

Девушка-аптекарь была другая. Но, как и у той, строгой, не ведущейся на продажу без рецепта, лицо ее было уставшее от однотипных завсегдатаев. Или наркоманы брали какие-нибудь двусмысленные лекарства, или алкоголики штурмовали прилавок с поражающим энтузиазмом и неутолимой жадой боярышника. Нормальные люди за какой-нибудь зеленкой или клизмой, видимо, сюда заходили редко.

Поэтому она несколько оживилась, и обозначила роскошной белозубой улыбкой свою симпатию мне, прилично одетому и вкусно пахнущему качественным парфюмом посетителю. «Жертва Лакалюта», – с восхищением подумал я, загипнотизированный белоснежным блеском ровных зубов.

И тоже приветливо улыбнулся, наблюдая зарождение нервного тика в районе собственного левого глаза, готовясь после получения товара и отдачи денег за оный, взять в направлении личного автомобиля разгон до 100 километров в час за какие-нибудь полторы секунды. Фраза, конкретизирующая мой визит, и купюра в размере 1000 рублей были заготовлены заранее, поэтому в аптекарское окошечко они готовы были проникнуть одновременно.

– Здравствуйте, одна виагра и десять упаковок презервативов, – выпалил я. Возможно, нервный блеск моих глаз несколько озадачил повеселевшую было работницу змеи и рюмки, но она тут же справилась с собой, и с удовольствием начала применять наконец-то пригодившиеся знания семинаров по работе с покупателями и общие сведения об ассортименте фармацевтической продукции.

– У нас есть упаковки по одной, две, четыре, восемь и двенадцать таблеток, – у нее был мелодичный и сексуальный голос работницы от телефонных услуг, но я не был настроен на наслаждение волшебными нотами в то время, когда автомобиль и кошелек находятся в столь близкой и явной опасности. Прикрыв глаза, и стараясь дышать ровно и спокойно, я отчеканил:

– Одна... таблетка... виагры... и десяток... упаковок... по три... презерватива, – в конце фразы улыбка сама легла на лицо, и очень хорошо. Иначе девушка могла бы испугаться. А так она не испугалась, а всего лишь немного растерялась:

– Вы знаете, у одной таблетки виагры не настолько пролонгированное действие... Девушка пыталась, как можно тактичнее, усомниться в мужской силе собеседника. И, заодно, в фармацевтической – виагры.

– Я, в процессе акта, остальные надувать буду, – начал было ерничать я, но тут же сжался над девушкой.

– Первое не для меня, – я дышал, уже даже немного помогая себе руками, делая возвратные движения после каждого слова. Но паузы между словами уже не делал – некогда было. Оставалось секунды четыре до того момента, как нечеловеческая паника заставит меня завизжать и, вырывая и разбрасывая собственные волосы, броситься прочь.

Девушка улыбнулась, и разрубила следующим, вполне уместным вопросом меня на две аккуратные половинки, одна из которых готова была ответить, а вторая – рвануть на улицу:

– У нас есть ребристые, со вкусом, цветные...

Я обеими ладонями толкнул в аптекаршу воздух, останавливая ее речь, и сделал руками крест, как бы отменяя все, сказанное мной раньше. Выложил перед девушкой рецепт, и обреченно вздохнул:

– Спирта два флакона.

Глаза девушки, скользнув по мне, как по предателю, тут же приобрели предыдущее стеклянное выражение, с которым она обслуживала ценителей боярышника и гурманов от российской колесной промышленности...

* * *

К трем часам дня организм совершенно вымотался. Присутствовало ощущение, что я проработал на разгрузке железнодорожных вагонов пятнадцать часов кряду, и проявил при этом чудеса трудолюбия и усердия.

Выехав с офисной стоянки, я, несмотря на усталость, двинул в сторону ближайшего крупного торгового центра. Мне необходимо было сделать кое-какие покупки к приезду Иры, и я часа два потратил на шатания по магазину, забив тележку доверху всякой всячиной. Полный список этой всячины был написан Ирой, и я держал его перед глазами, словно карту, время от времени наезжая тележкой на других покупателей, тихонько бурча переделанную древнюю песенку Газманова: «Я сегодня не такой, как вчера, а вчера я был вообще никакой...».

Постоянно мучила жажда – видимо, обезвоживание организма приняло грандиозные размеры. Через полтора часа после приезда в магазин одна из двухлитровых бутылок минеральной воды в тележке была уже пуста. А сухость во рту и общее желание пить так и не проходили. С момента пробуждения я выпил не менее четырех литров жидкости, и для меня это было не нормально.

В торговом центре я обнаружил аптеку, где купил виагру для Гаврилыча и презервативы в личное пользование, доделав незавершенное днем.

Знал бы, что случится по дороге домой, заночевал бы прямо здесь, хотя бы и в тележке...

Глава восьмая, в которой ббб наносит материальный ущерб, но добро не дремлет

*С несправедливостью либо сотрудничают, либо сражаются.
Альбер Камю*

В паре километров от дома, когда я стоял на светофоре, собираясь повернуть налево, случилась авария. Черный Чероки с пафосным номером ббб, стоявший далеко впереди меня, вдруг поехал назад.

Не знаю, что творилось в голове водителя, но он прилично ударил передок моей машины. Особенно досталось капоту и правому крылу. Я готов был заплакать. Энергии для разруливания каких-то проблем не было. Не было даже уверенности, что у меня хватит сил принять душ по возвращении домой – настолько я устал и хотел спать. За окном так успокаивающе моросил дождик, а тут эта неприятность...

Мужчина лет сорока, нагловатый и резкий в движениях, полный, ниже среднего роста, прыгнул из кабины джипа, не воспользовавшись подножкой слишком высокой для него машины. И сразу принялся материться. Его бесцветные, близкопосаженные глазки постоянно бегали, и оттого злость его казалась показной. Белки глаз были в красных прожилках. Он старался не смотреть на собеседника, говоря всегда чуть в сторону, цепляя меня своими поросячьими глазками лишь на короткие мгновения, когда переваливал щетинистую физиономию слева направо и обратно.

Стоять рядом с ним было неприятно, даже не вслушиваясь в ту мерзость, которую он лил нескончаемым потоком на невиноватого, в общем-то, меня. Мысленно я даже изобрел термин для этого безобразия – «Словонность».

От него явственно пахло спиртным, это же подтверждала некоторая неразборчивость речи и путаница мыслей, которые были предельно просты, и сводились к тому, что я, несомненный представитель группы сексуальных меньшинств, заслуженный звонитель чреслами, и просто сын козы, в силу того, что только что отведал рыбного супчика (что ли?), вступил в интимные отношения с задним бампером его машины, и поэтому он сейчас меня доведет до оргазма, потом вступит в половую связь, после чего урочет, закопает и снова вступит в естественную близость, от чего я – падшая женщина – буду работать остаток жизни на аптеку, наблюдать в своей моче избыток красных кровяных телец и обрету пристрастие к гомосексуальному оральному сексу.

В общем-то, я никогда не отличался особой агрессивностью, и всегда, когда ситуация это позволяла, старался обойтись без конфликтов. И уж, тем более, без драки. Но иногда, в очень редких случаях, я просто переставал себя контролировать.

Вот и сейчас в голове что-то шелкнуло, и я даже не стал развивать мысль о том, что из джипа, возможно, могут выйти еще несколько человек – уже конкретных братков, с целью быстро и качественно положить меня на этой блестящей от дождя вечерней дороге. Подождав, когда водитель джипа повернется ко мне в фас, я резко ударил его в подбородок, стараясь весь негатив вложить в один удар. Чтобы не озвереть вконец, и не растерзать этого толстяка, вывалившего в мой адрес такое количество оскорблений, какого я не получил за все прожитые годы в общей сложности.

Удар получился не очень сильным, но толстяку этого хватило, его голова откинулась назад, уронив кожаную кепку-бейсболку и обнажив блестящую лысину. Он упал на задницу прямо в мокрую грязь разделительного газона, споткнувшись о поребрик.

Сознания лысый не потерял – даже, похоже, наоборот, стал более осмысленно смотреть на вещи, наконец-то поняв, что его запугиваниям тут грош цена, а этот парень рядом не настроен каяться в содеянном и трепетать перед ним.

Его глаза забежали еще быстрее, на покрасневшем лбу выступила испарина от перенесенного унижения. Задыхаясь от мата и возмущения, он хлопал себя по карманам, что-то искал – возможно, оружие. Но, к моему счастью, не находил. Он не выглядел испуганным, но и на бойца не походил, хотя взгляд был еще тот. Злоба выплескивалась обильной волной, почти физически ощущаемой. Но я на такие взгляды насмотрелся, меня одними глазами не возьмешь.

При этом он продолжал в словесном смысле качественно топтаться по моему самолюбию и гордости, видимо, в силу инерции своего склочного характера. Ругань непрерываемым рвотным потоком хлынула из его пахнущего чесноком и виски рта. И, пока толстяк сидел, а потом вставал, опираясь руками о землю, я услышал едва ли не больше того, что было сказано им до полученного удара.

После того, как хам поднялся и, явно намереваясь ударить, почти закончил очередное свое псевдо-пророческое заявление в отношении моего ближайшего будущего, он схлопотал еще два удара – боковой с левой руки по печени и прямой в нос с правой.

Полагаю, печень, скрытую толстым слоем жира, я не достал, но нос откликнулся. Кровь брызнула на его белую рубашку, а глаза затуманились. Ему снова пришлось подниматься с облюбованного газона, на этот раз уже молча. Он достал из заднего кармана мобильник и тупо смотрел на его потухший раздавленный экран. Тут толстяк как-то растерялся и немного сник.

– Ну ты, козел, мне за все ответишь... – шептал он, упорно тыча в клавиши мертвого телефона.

Тут меня снова на мгновение накрыло, но бить я этого урода уже не стал, а как-то, на одном дыхании, выдал неповторимую фразу, нагнувшись к его уху:

– Присохни в позе, шпидагуз дырявый. Я по ширме бил, когда ты, балабол, еще фазаном бурагозил. Номер не оторвется. За точило по полной нагрузу, а за базар ответишь пятак. Дуплом собственным ответишь. Въехал, чухан? (*Замри, пассивный гомосексуалист. Я совершал карманные кражи, прикрывая руку каким-либо предметом, когда ты, еще молодым, нарывался на неприятности. Задуманное не осуществится. За автомобиль получу полностью, а за разговор ответишь собственным анальным отверстием. Понял, опущенный?)

Фраза и самого-то меня удивила. Хотя бы тем, что собеседник был лет на десять-пятнадцать постарше. Так что, когда он еще «фазаном бурагозил», я тихо ненавидел рассольник в младшей группе детского садика «Звездочка».

Да и настолько длинных фраз на фоне я никогда не конструировал. Что говорить об остекленевшем толстяке, озадаченное лицо которого никак не могло справиться с мышцами, уронившими нижнюю челюсть, и совсем не хотевшими поднимать ее обратно? Хотя смысл сказанного мной был для толстяка хорошо понятен – об этом говорил испуг, промелькнувший в его водянистых глазах на фоне бездонной злобы.

Он дернулся к своему джипу, но в этот момент, перпендикулярно нашим машинам, остановилась полицейская тойота, из которой, скрипнув дверцей, вышел гаишник в форме капитана. Неразборчиво представившись и козырнув, он спросил, в чем собственно, дело.

Я, на удивление спокойно, короткими, как лай, фразами, описал обстановку:

– Стою налево поворачивать. Этот сдал назад. Или передачи перепутал, или в неадекватате... Капитан посмотрел на машины, не очень внимательно слушая меня.

– Да, я видел, стоял на перекрестке. Скорая помощь нужна? – он с интересом смотрел на вытирающего нос толстяка, который, почему-то, все время отводил глаза. Толстяк, до сих пор находящийся в легком шоке от сказанного и сделанного мною, отрицательно помотал головой.

Но с появлением представителя власти уверенность и вальяжная наглость к нему вернулись, он даже плечи расправил.

– Попрошу документы на машину и права.

Я протянул свой пакет, а лысый захромал к джипу, все еще пытаюсь завести свой мобильник. Через минуту, покопавшись в бардачке, он вернулся с документами, сверху положив визитку одного из самых высокопоставленных гаишников города.

– Слышь, лейтеха, пойдем перетрем...

– Слышать будешь в своем хлеву свинарке тете Клаве, а сейчас вы разговариваете с капитаном государственной автоинспекции при исполнении служебных обязанностей. Лицо его сохраняло каменное выражение, лишь уголки губ едва заметно приподнялись в улыбке. В глазах же его бушевали такие всполохи, что боров не решился заново хамить.

– Да ты глаза разуй, – имелось ввиду, что самым главным документом из переданных капитану, является визитная карточка.

– Я же вам сказал, что видел, как вы нарушили. Причем здесь визитка начальника городского ГИБДД?

– Да то, что ты видел, жене своей будешь рассказывать, или маме. Он дистанцию не соблюдал... – видимо, именно про таких говорят, что его могила исправит.

– Дистанция определяется между движущимися автомобилями. Вы стояли на светофоре. Кроме того, он стоял от вас метрах в пяти – этого более чем достаточно, – полицейский что-то выписывал из документов в свои бумаги.

– Ну, посмотрим, умник. Как ты говоришь, твоя фамилия?

Капитан заинтересованно отвлекся от бумаг:

– По буквам произнести?

– Внятно, по буквам, какое отделение, кто начальник? – боров брызгал слюной, лицо его покраснело.

ГИБДД-шник подошел к нему, возвращая визитку.

– Фамилия та же, что и на визитке. Инициалы в обратном порядке.

Толстяк замолк, отдирая мокрые брюки от необъятной задницы, и вопросительно посмотрел на блюстителя закона, отказываясь верить, что перед ним сын главного городского гаишника.

– Звонить будем или протокол подписывать? У-у-у, да мы еще и в трубочку дунем? – капитан искренне обрадовался, почувствовав алкогольный выхлоп.

В глазах борова рушился мир. Такая знакомая и простая вселенная привычных продажных отношений. Когда безнаказанность покупается, и все остальное тоже. А то, что не продается, все равно можно купить – по знакомству. Похоже, для него созрел серьезный тупичок в этом уютном, но вонючем мире...

А я подумал, что если черно-белые полосы в жизни будут чередоваться с такой неудержимой скоростью, задница личной зебры Толика Толиковича наступит намного раньше ожидаемого мною момента. Интересно, если бы я знал, что она уже наступила – это добавило бы мне оптимизма?

Глава девятая, в которой ангел-хранитель читает мне нотации, а плюшевым барашкам живется хорошо

*– Э, скажите, а сколько тонн клевера от каждой курицы-несушки
будет засыпано в инкубаторы после обмолота зяби?
Из м/ф «Возвращение блудного попугая» (1988)*

Остаток вечера ушел на формальности с полицией и страховщиками. Толстяка пара ДПС-ников, прибывших вскорости после аварии, повезла на медицинское освидетельствование, так как дышать в трубочку на месте он отказался. Бесконечно долго я тащился домой – колесо сильно терло о смятое крыло, которое так и не удалось обратно выгнуть подручными средствами.

Дома незадачливого автомобилиста ждала одна лишь ванна – моя гордость и любовь. В свое время, с разрешения хозяйки, туалет с ванной объединили, старую чугунную лоханку изъясали, а на ее место водрузили неплохое джакузи. Стоило мне это сумасшедших денег, зато как уютно сверкала белоснежной керамикой шикарная джакузи на фоне мраморно-черной плитки!

К тому времени, когда я разложил купленные продукты, ванна была готова, и я, посолив воду ароматизированной солью с запахом бергамота, с наслаждением опустил в акриловый рай.

Ужин уложился в кружку кефира и венскую булочку, купленную в торговом центре. Дома адреналин от пренеприятнейшего вечернего инцидента и живительные водные процедуры позволили мне еще около десяти минут поваляться на кровати, пялясь в телевизор. Затем, осознав, что абсолютно не понимаю, о чем идет речь на экране, я из последних сил отщелкнул красной кнопкой пульта финальный выстрел, и моментально погрузился в сон.

Сон был, мягко говоря, занятным. Я осознал себя, стоящим у белой двери, расположенной, как и сотни ей подобных, в огромном белом же просторном коридоре, наполненном людьми в обычной одежде и белых халатах.

Картинка напоминала сцену из сериала «Скорая помощь», только вот больничка была нешуточных размеров и радовала глаз небольшими странностями. На которые, впрочем, как это часто бывает во сне, никто не обращал внимания.

Переминаясь с ноги на ногу, у соседнего кабинета стояла девочка лет десяти с живым барашком. Барашек не бляял, а просто переводил свой грустный взгляд с одного посетителя этого бесконечного коридора на другого, и что-то жевал.

Лицо девочки тоже было печальным, но не наполненным вселенской грустью, как у барашка, а каким-то сострадающим. Она не сводила глаз со своего питомца, который, при всей своей кажущейся вполне нормальной способности жевать и двигать кучерявой головой с выразительными грустными глазами, был абсолютно и бесповоротно плюшевым. Под брюшком даже виднелся вшитый в шов лейбл производителя.

Мне нравились такие цветные сны с элементами мультяшности – когда можно поговорить с томиком Шекспира, извиниться перед подушкой или попросить совета у стареющего на подоконнике кактуса. От таких снов пахло детством и вспоминалась давно забытая способность летать.

Я приободрился, душевный комфорт начал заполнять мое тело, перетянутое крест-накрест лентами с надписями «Пред жгучей жаждой опохмелки все остальные чувства мелки» и «Заслуженный гипотоник деревянного зодчества».

Из кабинета напротив девчужки вышла женщина лет сорока, присела рядом на корточки и поправила на ребенке свитер с вышитым котенком. Провела по ее длинным белокурым волосам и ласково сказала:

– Алена, я же тебе говорила, что когда ты не можешь заснуть, барашков надо начинать считать со слова «раз», а не «один». Потому что у тебя со второго все барашки сбиваются в отару, им хорошо и весело, а первый так и остается один, и твой сон наполнен не космотаминами, необходимыми росту, а крадется временем, проведенным здесь.

Девочка улыбнулась:

– Спасибо, Ангелина Яковна, я все время забываю, – повернулась к барашку и в тональности служебного собаководства скомандовала:

– Один! То есть – раз!

Барашек улыбнулся глазами, состроил умильную рожицу, и, произведя звук лопающейся жевательной резинки, быстренько растворился в воздухе. Ангелина Яковна взяла девочку за руку и зашла с ней в кабинет.

Меня похлопали по плечу сзади. Я развернулся, напротив стоял низенький дядька, полный и почти лысый. С еле заметным зеленоватым нимбом вокруг головы и сложенными на спине длинными, до пола, крыльями, сливающимися с белизной халата. На груди у него болтался стетоскоп, подключенный к плееру, который висел на серебряном поясе.

– Ну что, террорист, ты по-другому перетянуться не догадался? – он искрил глазами в улыбке, которая, казалось, была размножена бесчисленным количеством подбородков, утомлявших коротенькую шею.

Я обратил внимание на свои абстинентно-гипотонические ленты, которые действительно были нацеплены на меня как-то не по-матросски: про похмелку, вертикальная, обогнув шею с левой стороны, ныряла в промежность, а вторая исполняла роль пояса. Я поднял глаза на него, всем своим видом как бы говоря: «Доктор, уколите меня чем-нибудь успокаивающим – я отдам колбасу».

– О, да у нас тут полные непонятки, – взгляд толстенького добряка стал грустно-серьезным. – Куда только служба фильтрации смотрит... Ах, да, тебя же сюда из Эротических сновидений перекинули – мне Старший Эгрегор телепнул. Там две Конфетки обесточены минимум на час твоими ленточными крестами...

Он приподнял мне левое веко и пропел:

– М-да ... Непонятка-непонятка, зови меня так... мне нравится слово... Потом правой рукой провел над моей головой и уставился на свою ладонь, бормоча:

– Анальгетики по поводу головной боли, вызванной похмельем. Так-с-с... а это что? Да у тебя ломка! Кроме алкоголя еще и наркотик какой-то... новый, что-то я слышал о нем... Ну-ка, пошли!

Мы с ним шагнули в открывшийся кабинет, на двери я увидел очень уж знакомый геометрический рисунок – вписанный в красный круг зеленый ромб (или бубна? хотя, нет – бубна зеленой не бывает!), пронзенный чем-то вроде золотой стрелы. Но вспомнить, откуда и зачем мне знакомо это изображение, я так и не смог.

Мне и сам коридор казался смутно знакомым, и этот добродушный подвижный толстячок тоже. Я даже чувствовал некую реальность происходящего, хотя знал, что это сон. И был спокоен, как сотня удавов – совсем не боялся проснуться. С нетерпением ожидал грядущие события, обещающие быть интересными.

Кабинет был, словно интерьер документальной программы «Из жизни утопленников», освещен тем же зеленоватым светом, что и нимб у моего спутника. Нимб, кстати, сразу же стал незаметен в этом освещении – он в нем просто растворился. В комнате, огромной как спортзал, хотя расстояние между дверьми в коридоре не превышало полутора метров, прямо на полу была разбита лужайка с бассейном и стояли пляжные шезлонги. Пахло тиной.

Толстячок глянул мне в глаза, прочел там что-то, повел бровью и толкнул рукой воздух в направлении бассейна. Воздух задрожал, и обстановочка сменилась в мгновение ока на огромную библиотеку с двумя мягкими креслами у низенького столика и жадно трещавшим

горящими поленьями камином, у которого лежал огромный, улыбающийся далматинец. Или небольших размеров пятнистый королевский дог.

Ряды книг в стенных шкафах уходили в необозримую высь и терялись в ласково борющейся с каминными всполохами темноте, потолка видно не было. В комнате было тепло и уютно. Хозяин «библиотеки» жестом пригласил сесть, и я с удовольствием утонул в удобном кресле, спинка которого заканчивалась на метр выше моей головы.

– Ну, здравствуй, – мой собеседник перенес вес тела на правый подлокотник кресла, и улыбнулся. – Ситуация, которая возникла, требует некоторых объяснений. Я сейчас не имею возможности и, если честно, желания, – он хитро прищурился, – загонять в тебя тот огромный объем информации, который необходим для полного понимания происходящего.

Во-первых, ты им обладаешь, просто он сейчас намертво перекрыт действием анальгетиков и наркотиков. Во-вторых, эта информация, в силу ряда причин, о которых я сейчас тоже не буду распространяться, возможно, будет тебе доступна после пробуждения, а это есть нарушение основных установок твоей текущей инкарнации. В-третьих, тебе будет достаточно понимания основных моментов, которыми мы и обойдемся.

Я сидел и глупо улыбался. Будь у меня кисть и краски, я бы тут же переписал свои ленточки на что-нибудь хвастливое типа «Во внутренний мир без стука не входите: опасные глюки» и «Схожу с ума. Срочно». Я знал, что это сон, но таких я раньше не видел. По крайней мере, не помнил.

Я сидел и глупо улыбался, понимая, что сплю, и не могу проснуться, даже если сквозь сон начну щипать себя до победного садо-мазохистского оргазма. Просто слушал толстячка и наслаждался атмосферой фантастического кабинета-библиотеки. Мое поведение не было привычным в обычных условиях – если бы такое случилось наяву, я бы, наверное, уподобился внимательному школяру, с жадностью и трепетом внимающему своему волшебному наставнику. Здесь же я был достаточно раскован, хотя и не понимал всех нюансов происходящего. Да что там, я и суть-то не особо улавливал.

– Меня зовут Грег. Может, чай, кофе? Конечно, напитки в этом измерении понятие условное, но вкусом, запахом и прочими атрибутами привычных вам чувств они обладать будут.

К тому же это немного отвлечет тебя, а вы, люди, гораздо лучше воспринимаете информацию или делаете Настоящие Вещи, когда заняты этим не напрямую, а опосредованно. Например, вы гораздо лучше улавливаете и проследживаете мысли, когда ходите. Успешнее решаете проблемы, когда основное время посвящаете не своим проблемам, а, например, творчеству...

Он потянулся к столу, на котором появились миленькие чашки и чайнички с китайскими иероглифами.

– Это хороший зеленый чай, в нем много танина. Помогает от гипотонии и еще от горы проблем. Он налил чай в большую пиалу и вновь уселся на подлокотник.

Я, прихлебывая горячий напиток с ароматом жасмина, почему-то оказавшийся сладким, немного исподлбья задал вопрос:

– Вы сказали, наркотик. Никотин или алкоголь относите к наркотикам?

– В вашем организме присутствует какой-то сильный, отличный от легализованных в вашей стране наркотиков – алкоголя и табака. Кроме того, я затрудняюсь дать ему название – это что-то относительно новое. Довольно сильное и несомненно опасное. Не могу сейчас сказать точнее – это не моя епархия.

Я пожал плечами – разве что в еду кто-то подсыпал... Хотя, стоп, ведь «Рыцаря» как раз и проверяли на предмет наркотиков! Да и опьянение было какое-то странное... Однако, в настоящий момент этот вопрос занимал меня меньше, нежели общение с этим толстячком.

– А почему Вы открываете мне доступ к закрытой ранее информации?

– Ну, информация эта условно закрыта. На уровне подсознания вы ее очень хорошо чувствуете, она направляет вас в трудную минуту и вообще определяет жизненные приоритеты. Правда, у большинства людей она в сознательной жизни забивается надуманными проблемами о материальном благополучии, или привычками и пороками, да много чем. Но даже у самого безнадежного грешника всегда остается работающий информационный канал. Существует, правда, вероятность биологического перекрытия – вот как у тебя сейчас фармацевтическими, и не очень, препаратами. Грег хохотнул, и налил себе чаю.

– Но такое перекрытие очень редко бывает стремительным и непоправимым, человек ловит предупреждающие сигналы. Он даже может им не подчиниться – тогда он становится подобен автомобилисту, проехавшему под запрещающий знак, пробившему ограждение и врезавшемуся в канаву – все это поэтапно. Затем от удара он вылетает через лобовое стекло с некоторым количеством травм, но может двигаться дальше. Конечно, уже без транспортного средства.

Дальше его ждет грязь, болото с топью – оттуда он уже не выберется. Практической пользы на данном развитии человечества он в таком положении не принесет. Все насекомые на этом болоте уже изучены, все травинки описаны. Он может только погибнуть. И следующую свою инкарнацию начнет уже не с высокого старта, а вылезая из-под обломков прошлой жизни. В этом заинтересована только Темная Сторона. Ее интересуют энергии низкого, грубого тона. А для нас вы можете принести гораздо больше пользы, вырабатывая энергию творчества, любви. Поэтому борьба за душу человека не прекращается до самой его смерти.

Я сидел и думал, где же я мог подцепить такой религиозный бред – ведь сны всегда обусловлены реальными событиями. Теми, которые уже были, происходят сейчас, и даже будут.

Грег взглянул на меня, снова улыбнулся и произнес:

– Религиозный бред? Да нет, все гораздо сложнее. И картинка не так поляризована – рая и ада у нас нет. Я даже не уверен, что есть чистое проявление Бога и Дьявола – но тут я могу ошибаться, потому что мое понимание тоже несовершенно. Сейчас между нами происходит обмен информацией на особом уровне – в реальном времени твой сон займет чуть более одной секунды.

К сожалению, я скован в возможности излагать информацию в истинном ее содержании – семантика любого человеческого языка сильно ограничена. Поэтому ты воспринимаешь ее в таком стилизованном виде – это, по крайней мере, знакомо тебе по земным религиям и не вызывает психологического отторжения. Сама структура Жизни, даже на уровне того измерения, где мы сейчас находимся, настолько сложна для твоего понимания, что и не стоит пытаться.

Это, примерно, то же, что крепостному крестьянину, рожденному в 18 веке пытаться подробно объяснить принцип работы компьютера. – Грег улыбнулся, и, отпив из своей пиалы, добавил – Даже еще хуже. Да, а по поводу моего имени – это производная от Эгрегора. Я твой Ангел-Хранитель.

Это говорит о том, что игра в бирюльки с собственной жизнью закончилась, нужно начинать двигаться в правильном направлении. Грег поежился на кресле и распахнул крылья. Они казались нематериальными, хотя и подразумевали определенную плотность.

– В общем и целом, я думаю, картинка нарисована. Пусть она больше смахивает на наскальный рисунок, а не полотно кисти Рембрандта; но все же представление создано, и для дальнейшего разговора нам этого будет достаточно.

Я допил чай и поднялся, потянувшись. Подойдя к камину, я присел у собаки, которая с интересом повернула ко мне голову и зажмурилась, когда я стал чесать ее за ухом. Поленья потрескивали под языками пламени, собака виляла по мраморному полу хвостом, а я чувствовал себя не очень. Видимо, из-за нежелания провести остаток своей жизни в смиренной рубашке – настолько реальным казалось происходящее.

Грег остался за столом и продолжал:

– Не переживай, после пробуждения реальность этого сна быстро сотрется. Останутся только основные установки. Они останутся навсегда – пока ты не заменишь свое восприятие мира более качественным. Но до этого, я думаю, тебе предстоит еще не одно прозрение.

– Все настолько плохо, раз вы вынуждены со мной общаться таким образом? – я старался отвлечься от этой мысли, но она вновь и вновь вспыхивала перед глазами ярко светящейся неоновой рекламой.

– И да, и нет, – Грег поднялся с кресла и пересел в мое – так ему было видно меня и собаку. – И камин еще видно, – добавил толстячок к моим мыслям. – Мне нравится смотреть на огонь. Кроме того, это полезно для энергетики существ нашего мира.

– Ты сейчас застрял на обочине развития. Тебе уже, условно говоря, вернули автомобиль – он работает, но ты газуешь и не можешь переехать насыпь. С нашей стороны не является большим нарушением то, что мы поможем тебе с этой проблемой. Тем более, что основную работу ты сделаешь сам. Тебе лишь надо собственноручно, или с помощью какой-нибудь лопаты, разбросать эту насыпь. И еще, мы покажем, в каком направлении тебе ехать – это уже более серьезная подсказка. Но и до этого ты бы сам догадался – вопрос времени. Сейчас мы хотим сэкономить именно время – из-за твоих барахтаний в болоте и перегазовок на насыпи мы потеряли его достаточно.

Кроме того, твое попадание сюда санкционировано не нами – ты должен был отправиться в Темную Сторону, когорту Эротических сновидений. Ты туда, в общем-то, и отправился. Просто крест из твоих лент вырубил пару девиц из обслуживающего персонала, и они были вынуждены перекинуть тебя к нам. Все энергозатраты за их счет. Да, влетит Службе Фильтрации. Охранники не должны были пропускать тебя на Темную Сторону с таким энергетическим капканом, ну да Бог с ними.

Все мы допускаем в своей работе недочеты и недоделки, но в этом разнообразии мира, а не его несовершенство. Тем более ты, скорее всего, умудрился смастерить это перекрестие уже на Темной Стороне, что само по себе уже достойно удивления и уважения, – он подошел ко мне и с легкостью гимнаста, невзирая на тучность, уселся рядом, сложив по-турецки ноги и собрав крылья на спине.

– Кстати, – он легонько пихнул меня локтем, – не стыдно в твоём возрасте обращаться в службу Эротических сновидений с таким нереализованным потенциалом? Это же верная поллюция! – он хохотнул и добавил: – Чай, не мальчик.

– Чай – еще и не девочка, – я шутил как-то противно-серьезно. Чай – это напиток. Или растение.

А сам подумал, что недельное воздержание для моего молодого организма – это действительно многовато.

– Вот-вот, это все ваша семантика. К слову, информация даже на нашем уровне – не буду забивать тебе голову всякими астралами и менталами, они все равно не так называются – обладает большей точностью и уникальностью. Каждое понятие закреплено образом, звуком, вкусом, тактильным ощущением и запахом. И еще ворохом недоступных для людей характеристик. Правда, почему-то стихи у вас получаются гораздо вкуснее, чем наши заклинания.

И еще о силе слова и мысли – знаешь, чем вызвана твоя гипотония? – я с интересом посмотрел на Грега, почему-то сразу же вспомнив девочку в коридоре.

– Ты очень плохо засыпал в детстве, но считать овец или баранов перед сном не любил, потому что очень быстро сбивался на более волнительные дневные события, прошедшие или предстоящие. И ты просто монотонно повторял про себя лишь одно слово: «Спать, спать, спать...». Ты себе дал очень сильную установку на многие годы вперед, ведь ты и сейчас иногда проговариваешь эту мантру?

Я кивнул. Все было верно. Правда, последние годы эта привычка стала забываться – засыпать я стал без проблем. Гораздо быстрее затухаешь, если почти не горишь. Так вот почему я стал считать себя стрессофилом – мне нравились разрешимые неприятности, стимулирующие выброс адреналина, и, как следствие, нормализующие давление.

– Ну да ладно. Раз уж мы коснулись твоей интимной жизни – подскажу немного. В настоящее время твои запросы не совпадают с возможностями. Но нужное количество событий ты уже набрал и большинство из них успешно прошел – так что, в любой момент может произойти качественный переворот в твоей жизни. На этом уровне твои потребности станут соответствовать возможностям, но не ранее. Так что, к сожалению, вопрос о полном соединении с твоей второй половинкой пока не стоит. Хотя, как я уже говорил, все близко. Возможно, гораздо ближе, чем я думаю.

До понимания сути качественного перехода тебе придется додуматься самому, это будет несложно – с учетом твоих прошлых событийных прохождений. Кстати, качественный переход может довольно сильно изменить твои собственные взгляды. И, возможно, человек, который окажется идеальной половинкой для тебя, уже давно тебе знаком, просто ты его сейчас не так воспринимаешь.

Я усмехнулся. Ну, еще бы, мне очень хорошо знакома Ирина! Но толстяк говорил правду – была какая-то пряность в наших отношениях, которой лучше бы не быть. Может, это из-за того, что в последнее время мы частенько ссорились по пустякам. Хотя нет, это – следствие, а не причина...

У меня немного затекли ноги, поэтому я поднялся с пола и сел в свое кресло. Пес пошел со мной и положил голову мне на ногу – я продолжал его почесывать, а он не переставал вилять своим хвостом. Грег развернулся, и, одним мановением руки уменьшив пламя, облокотился спиной о никелированную решетку перед камином. Он продолжал своим, подсознательно знакомым голосом говорить мне сознательно сумасшедшие вещи.

– Еще один небольшой момент – знаешь, почему нужно, чтобы человек во время молитвы искренне хотел просимого и чувствовал внутреннюю уверенность в том, что он достоин получить желаемое? – в лучших традициях ответов на риторические вопросы, я молчал, как рыба.

– Сами слова нам не слышны, – продолжал Грег. – Ну, разве что, мы находимся рядом – уверяю тебя, это случается очень редко. Нам доступна окраска самого импульса – насколько он загрязнен негативными мыслями. Насколько силен, как сигнал, сам посыл. Это уже зависит от энергетики человека. Сродни платежеспособности – был хорошим мальчиком, у тебя на депозите скопилась энная сумма достойных поступков. И ты можешь получить желаемое! Правда, не все так просто – возможно, тебе не дают какой-нибудь пряник, считая, что лучше преподнесут чуть позднее полноценный торт.

В общем, вы в каждодневном общении составляете мнение о человеке – так сказать, реконструкцию его ауры в своей интерпретации – по словам и поступкам. Своего рода, синтез. А нам доступна сама эта аура, и по ней мы всегда можем сказать, какими делами она создана. Своего рода, анализ. Какие слова при этом говорились, какие стремления вели и куда вообще направляется данный индивидуум...

То, что тебя переправили к нам из Темной Стороны, говорит о том, что влияние их сил на тебя сейчас практически сведено к нулю – ты им не интересен. Твоя энергоотдача при существующем уровне будет примерно равна силам, которые им придется затратить, чтобы заполнить тебя.

Но ты не должен терять бдительности – с накоплением тобой потенциала их интерес и попытки тебя обесточить будут расти. Да, еще существует и стратегическое планирование. В том смысле, что проще задушить зреющую неприятность в начале. До того, как она сможет доставить серьезные хлопоты. Правда, и подпитка от Эгрегоров с ростом потенциала увеличится – ты заинтересуешь к тому времени определенные Сущности, они установят с тобой

каналы постоянного энергообмена. Это в добавок к уже существующим, – Грег глянул на меня так, словно пытался продать мне что-то.

– Сегодняшняя авария была специально подстроена Темной Стороной. Употребление наркотика послужило для них сигналом, что потенциально тебя можно склонить в негатив. Однако то, как легко мы нейтрализовали их затею, говорит о дешевизне их акции, и сейчас для них ты особой ценности не представляешь. Но после того, как они узнали о нашей заинтересованности – а об этом говорила скорость разрешения конфликта, Темная Сторона может изменить свое мнение. И выделить на тебя фонды... В общем, вот тебе лопата для насыпи, – он протянул мне небольшой ошейник, судя по размерам, для какой-то карманной собачки. – А вот направление...

Его шаги по мраморному полу стали удаляться, но почему-то становились от этого громче. Свет в комнате померк, и я почувствовал, что меня потянуло назад с пугающим ускорением, и тут же проснулся.

Громоподобный стук в дверь – похоже, ногами – вырвал меня из сна около пяти утра...

Глава десятая, про истинные двигатели торговли

Ой, что было, шеф, что было!
Из м/ф «Приключения капитана Врунгеля» (1976)

Громоподобный стук в дверь – похоже, ногами – вырвал меня из сна около пяти утра. Я вскочил, ища глазами автомат и готовясь строится. Постепенно до меня дошло, что это никакая не армия. Просто, с тех самых времен настолько сурово меня никто не будил.

Я натянул халат, с большим трудом попав в рукава. Не нащупав карманов, понял, что надел его наизнанку. И тут же вспомнил, что шиворот-навыворот одеваться нельзя – плохая примета. Перенатянулся уже быстрее. Протирая глаза, открыл дверь. У порога качался щупленький мужичок с бородой. Рядом с ним стояли огромные напольные часы позапрошлого века, о деревянный верх которых звонко разбивались капли с крыши. Часы качали маятником в такт мужичку и были на пару циферблатов выше его. На площади позади этой странной парочки было еще темно.

Икая и распространяя вокруг уже осточертевший запах перегара, мужичок прохрипел, почему-то по-волжски окая:

– Хозяин, купи часики. Недорого отдам!

Видимо, приняв мой ступор за немой вопрос о цене, мужик заискивающе протянул, любовно поглаживая двухметрового темно-коричневого монстра: – Штука!

Я со сна все еще не понимал, что происходит, и пялился на этот изысканный антиквариат с ангелочками. Азарт халявы, наложившись на сонное состояние, вызывал странные чувства. Хотелось то ли жадно заснуть, то ли сонно торговаться. Тем не менее, как-то автоматически брякнул, виртуозно выворачивая в зевоте собственную челюсть:

– За пятьдесят рублей давай?

– Давай! – мужик азартно махнул рукой, и часы с громкой радостью пробили пять раз, введя в легкий ступор местных котов и проезжавшее мимо сонное такси. Нет, не реклама – двигатель торговли. Двигатель торговли – торговля! Я это еще в Турции понял, когда за вожденную куртку отдал не 900 запрошенных, а всего лишь 200 кровных долларов.

– Краденные, небось? – я все еще не верил в реальность столь выгодной сделки. Тот новодел, который мне сватали в магазине, стоил больше тысячи евро. А тут – такой замечательный вариант.

– Да не... Это, Марья Прокофьевна померла, а внук ейный мебелью за работу расплачивается. У ней отопление – форсунка, давно под ремонт просилась. Я и переложил печь-то. А внук ейный, Васька, расплатился не литрой, а вот этой монстрой, – куды ж мне их тащить? Я далече живу. А Гаврилыч сказал, что тебе спродать можно, вот я и спродаю...

Купюра перекочевала в карман бородача, а часы – ко мне в прихожую. Выглядели они шикарно, хоть и пахли дешевым табаком. Я закурил, попросил мужичка остановить часовой механизм, пожал шершавую ладонь бородача на прощание, и на ощупь побрел в туалет. Свет включать не хотелось. Хотелось спать и видеть сны. Точно такие же, из которых меня только что извлекли. Извлекли бесцеремонно, но компенсировав неприятность дуновением старины глубокой.

Вся информация о сновидении, которую я только что помнил, стала улетучиваться по мере уменьшения длины сигареты. Сон оставил какое-то нездоровое состояние, хотя обычно я чувствовал себя отдохнувшим и добродушным после таких серьезных заплывов в цветной мир Морфея (чуть не подумал – Диснея). Списав весь неудачный оздоровительный эффект сна на то, что меня просто очень рано разбудили, я вернулся к кровати, и с превеликим удовольствием нырнул под одеяло...

Проснувшись часов в девять, я с наслаждением осознал, что похмелье прожито и осталось во вчерашнем дне. Сегодня я ощущал себя вполне здоровым человеком – и даже уловил некое подобие аппетита. Кроме того, не стал досыпать до 12 часов. Пробравшись в халате на кухню, я сделал себе огромную чашку кофе с молоком и полдюжины крохотных бутербродиков с сыром, который покоился между ветчиной и майонезом. Что и умял, не раскаиваясь, а очень даже наоборот.

Нужно было срочно что-то делать с машиной. В свете незапланированных расходов на ремонт (когда еще я получу компенсацию от страховой фирмы!), Толик Толикович был банкротом.

Напялив спортивный костюм, я выскользнул из квартиры, и под холодными каплями дождя забежал во двор нашего дома. Зашел в подъезд, и поднялся к Гаврилычу.

Гаврилыч, как всегда, был слегка пьян, слегка брит, но полностью компетентен. Он тут же нарисовал записку в один из автосервисов в достижимой близости для моих, трущихся о поврежденный металл, колес. Сказал, что представиться мне надо будет его племянником, и обещал цену за ремонт ниже адекватной. Причем, для страховщиков, официально записанная цена ремонта будет значительно выше, что позволит мне даже заработать на аварии.

Также он подтвердил абсолютную легальность утренней покупки. Часы можно было приводить в порядок, не боясь появления блюстителей порядка и обвинений в скупке краденного.

Мы перекурили на лестнице, и я, вручив ему виагру, вспомнил, что Гаврилыч свою импотенцию называл «противостоянием». Улыбнулся, и рванул заниматься последствиями аварии. А соседка вернула к семейному очагу тетя Вера, его супруга, подозрительно глянув на меня: не спаиваю ли я ее благоверного.

Через час, с черепашьей скоростью, я доехал до автосервиса. Там присвистнули, но, увидев записку Гаврилыча, отнеслись ко мне с уважением. Машину сделать обещали в течение двух-трех дней – правда, без покраски. Покраску назначили на выходные. Оплата за ремонт была минимум на треть меньше реальной, а по документам обещали провести цифру, вдвое большую этой суммы. Другими словами, все с моей машинкой обошлось, как нельзя лучше.

Домой я вернулся гораздо быстрее – у маршрутки колеса терлись исключительно об асфальт, и никаких крыльев не цепляли. Уселся за стол и, закурив, подбил бабки. Денег практически не было. Даже с учетом того, что в сервисе я отдал только половину, а вторую часть нужно будет им выплатить, когда настанет время забирать автомобиль. Это значит, что грядущий бонус, который мы обмывали в пятницу, накрылся. Но вариант подарка, доставшийся мне утром практически даром, понравится Ирке даже больше. Наверное...

Глава одиннадцатая, о юных котах и молодых холодильниках

– Знатная зверюга. Мех. Сало. Шкварок нажарю.
Из м/ф «Падал прошлогодний снег» (1983)

Через полчаса моя утренняя активность сменилось апатией, делать абсолютно ничего не хотелось. Настроение было под стать продолжающемуся за окнами дождю, а самочувствие опять решило, что оно не очень, и принялось в этом довольно успешно убеждать меня.

Смутное ощущение какого-то важного недавнего события внимательный осмотр часов не объяснил. Дело в том, что сон я забыл напрочь, как поступаю практически со всеми ночными показами от Морфея, а именно из-за сна это чувство и возникло. Но я давно привык к присутствию дежавю, и особо не заморачивался.

Напольные красавцы, как и все немецкое, выглядели торжественно и немного напыщенно. За дверцей из постаревшего стекла с фасетом – похоже, того самого стекла, еще первого, висел маятник и пара латунных гирь со свинцовым наполнителем. Открыв дверцу – абсолютно без скрипа, я обнаружил клеймо GUSTAV BECKER – корону и две буквы, G и B. Под инициалами полукругом качалась надпись «FREIBURG IN SCHL.» – позднее я узнал, что это означает «Фрайбург в Силезии». Латунный циферблат с чеканкой, к сожалению, изображал арабские цифры, а не римские. По самым скромным подсчетам, данному изделию Беккера было более 120 лет, и это внушало уважение.

Часы были в неплохом состоянии, хотя кое-где почистить и подкрасить не мешало бы. Было бы неплохо и стекло заменить – чтобы избавиться от ощущения, будто оно затянуто тиной. Но, с другой стороны, стекло выглядело ровесником часов – может быть, хорошей чистки будет достаточно? Я был доволен покупкой, и очень быстро отыскал для обрусевшего, видимо, трофейного, Густава место в гостиной, между двух окон. Запускать механизм я не решился, помня давешний громкий бой в тишине площади по поводу наступления пяти часов утра, и постановил, что пока стоять они будут стоя.

На этом энтузиазм мой обнулится, и устремился исследовать свои отрицательные значения. Я валялся на кровати, и пялился в телевизор. Но счастья от жизни не испытывал никакого.

Опиатные эндорфины почему-то не вырабатывались. Это такая хитрая штука, медиатор системы положительных эмоций, которую мозг вырабатывает для того, чтобы быть веселым и довольным. Дело в том, что вырабатываются они, в основном, по случаю совершения чего-то полезного. После какой-нибудь приятной встречи, после решения трудной задачи или завершения какого-нибудь значимого дела, аки награда за предыдущие мучения.

Но я не мог ничего закончить, потому что не начинал ничего! Меня заборола лень, она подмяла меня под пледом, позволяя лишь щелкать пультом от телевизора. Еще она иногда позволяла посещать туалет и прикуривать сигареты. Больше – все! А мозг тихо скулил и требовал опиатов... Грозился ввергнуть себя в меланхолию, или, того хуже, в депрессию.

И я совершил подвиг: выбрался из-под пледа и натянул брюки. Брюки натянулись, но обнаружилось, что они все заляпаны вчерашней дорожной грязью. Все было против меня. Я придавил задом плед на кровати и попробовал, раскачиваясь, заунывным голосом пропеть песнь «О вещем Карнеги». Очень сожалел, что не прочитал в свое время его книжку про то, как нужно завоевывать друзей и оказывать на них влияние.

Мне бы так это сейчас пригодилось – подружился хотя бы с собственной головой, оказал бы на нее влияние. Она бы не доставала меня своими дурацкими воплями типа «опиатов хочу!», «а вот раньше были опиаты...», и самым коронным, «а ты, вообще, кто такой?». Очень

уж мне не хотелось отвечать на последний вопрос, тема которого могла подмять под себя такое количество философского содержания, что голова и сама бы не обрадовалась. «Но зато хоть опиатиков посшибала бы...» – этот скулеж меня просто достал.

Я уже был готов сходить за пивом – алкоголь тоже вырабатывает опиаты... правда, несколько другого состава, причем, если этим увлекаться достаточное количество времени, они начинают замещать естественные, и, глядишь – опаньки – зависимость созрела.

Несомненно, подобные ощущения были следствием тяжелого похмелья после веселой пятницы. Значит, надо бросать пить. Устроить эдакий забег во имя здорового образа жизни... Ну, полуждорового, курить-то не бросил. И тут я вспомнил! Сегодня же воскресенье! Причем уже далеко не одна минута первого ночи. Пропущен момент X! Я внутренне похолодел.

«И курить бросаю!» – добавил я вслух к мысли завязать со спиртным. Злорадная, но наполненная какой-то нешуточной решимостью мысль пронзила хныкающий мозг, исполненный мечтами о большой коробке с опиатами, он как-то поежился и затих.

Я рванул к ноутбуку, извлек из сумки пятничное пари. От сердца отлегло – дата была проставлена сегодняшняя, а конкретное время указано не было. Значит, пари можно начать в любой момент воскресенья, а не с первой минуты суток.

– Бросаю! – я смял остававшийся пяток сигарет вместе с пачкой-гробиком в набухшей венами и сухожилиями руке, бросил этот скомканный пережиток на стол, и, одевая спортивный костюм с наслаждением услышал в удаляющемся и заикающемся шепоте-эхе виновато-истерический голос собственного Эго: «А может ну его на фиг, эти опиаты-шматиаты?.. Полежим, покурим, киношку посмотрим?».

– Доктор сказал в морг – значит в морг, – я решительно поставил крест на своей помощи табачным компаниям и, частично, раковым заболеваниям. На полтора года – минимум! Сказал, как отрезал. Даже самому страшновато стало. Привязанность, все-таки. Я нашел ручку и поставил свой дрожащий от возбуждения автограф в нужном месте Пари.

Так внезапно, среди белого (простите, серого!) воскресного дня я никогда не совершал подвигов или жизненно важных начинаний. Все они, как правило, начинались с понедельника или первого числа месяца. И уж точно всегда вводились в действие с началом новых суток. Новый подход к графику изменения себя в лучшую сторону мне понравился – а почему бы нет?

Заново облачившись в спортивный костюм, влез в кроссовки. И краем уха обнаружил шебуришание под полом. Дом был очень старый – дореволюционный, под моей квартирой находился такой же древний подвал. В последнее время какая-то упертая мышка из подвала настаивала меня по ночам, пробуя на зуб половые доски. Но раньше это было исключительно в темное время суток и как-то ненавязчиво, скромно и воровато. А тут – на тебе! Час дня, а это чудовище грызет вверенную мне недвижимость!

Я топнул ногой по полу, призывая мышшь к интеллигентному поведению, и, одевшись, вышел на улицу, приговаривая: «Злые вы все, уйду я от вас».

На улице было мерзко – с крыши капало, с неба моросила какая-то влажная пыль, а промозглый ветер бесцеремонно пытался забраться за пазуху, и коснуться закрытых участков тела. Свинцовая серость и общий минус настроения никак не хотели рисовать радужность ближайшего будущего.

– А мы пойдем на север, – пропел я, перебираясь через площадь, асфальт которой давно запутался в лужах и трамвайных рельсах. И, согласно песне, пошел в северном направлении, абсолютно без цели. Просто чтобы пройтись.

Так как медленно и бесцельно я прогуливаться не умел, то всегда предварительно выбирал конечный пункт моей прогулки. И очень быстро к нему продвигался. Потом столь же быстро возвращался обратно. Девушки, семена за мной, обычно жаловались, что я как-то чересчур быстро прогуливаюсь.

Я прошел мимо Нахичеванского рынка, и тихими улицами брел вверх – дорога шла немного в гору, прохожих было мало. Да я и сам мало присутствовал на этой улице, полностью пребывая в своих мыслях.

Вскоро все же удалось расконсервировать воспоминания о теплых весенних денечках, я включил плеер с чем-то медленно-мелодичным и был вполне доволен жизнью, когда оказался рядом с еще одним рынком – небольшим рынком домашних животных.

Давно хотелось себе собаку – но возможности не было... Работа отнимала много времени, иногда случались командировки. А собака такого не поймет – с ней гулять нужно. Обеспечивать же дополнительными хлопотами Ирину не хотелось. Да я и не был уверен – будет ли она «за» лающего домашнего питомца, сертифицированного истребителя модной обуви.

Я прошел по рядам – продавцов было немного, в основном торговали корма и всякую упряжь. Основную армию питомцев для продажи обычно привозили в субботу – и покупателей больше, и самим продавцам, наверное, так было удобнее. Сегодня стояло две-три бабульки с котятками и парнишка-кореец с канарейками. Да и тот уже собирался.

Возле самого выхода стояла грустная женщина нездорового вида, в стареньком драповом пальто. Из-за пазухи торчала голова серого в полоску разбойника с огромными усами. Янтарные глаза котенка пытливо уставились на меня. Я протянул руку, чтобы погладить его по лобастой голове. А он постарался своей лапой зацепить за провод от наушников, которые радовали меня мелодией из «Криминального чтива».

Женщина воодушевилась.

– Возьмите котеночка! От матери – крысоловки, последний остался из выводка. Для дочки оставила, а она не смогла приехать – они с мужем в Иркутске живут. Ну да ничего, ей Мурка еще нарожает, а этого жалко... Без денег возьмите, он к лотку уже приучен! Я вам скажу, когда у него день рожденья, будете праздновать! Он родился... – она немного запнулась, вспоминая, – 25 сентября он родился!

Я вздрогнул. 25 сентября – день моего рождения. И тут же принял очередное судьбоносное решение. Если считать с отказом от курения – уже второе за сегодня. Я решил приобрести себе котенка. Во-первых, рано радовалась эта мышь под полом. Во-вторых, Ирке будет приятно. Ну и я тоже котов люблю. Даже имя моментально в голове созрело – Джин. Джин с Толиком – вот потеха! И день рождения у нас с ним один на двоих.

За янтарноглазое создание я все же заплатил женщине, практически насильно – не хотелось счастья на халяву. У корейца-птичника, торгующего еще и всякой звериной пластмассовой бижутерией, я приобрел все необходимые причиндалы для юного зверя.

Сама же Мелкая Пушистость перекочевала во внутренний карман моей куртки, а в рюкзак были помещены: кошачий туалет, наполнитель для него, две миски – белая и серая, ошейник от блох (почему-то показавшийся мне смутно знакомым), сухой корм и пара игрушек. И еще – прыгучий мячик под цвет глаз Джина и огромная серая мышь из плюша для жестких спаррингов – пусть трепещет подвальная мышка, квартира № 18 вызывает кошачий спецназ!

Домой я возвращался другой дорогой. Солнце вроде бы было на небе и даже честно пыталось светить, но ему мешали в этом благом начинании тяжелеющие тучи.

Джин наружу не высовывался. Похоже, он заснул в моем кармане. Настроение улучшилось, и этому весьма способствовал маленький теплый и пушистый комочек в районе сердца. Я остановился, чтобы взглянуть на него.

Мимо меня прошлепал растрепанный мальчишка лет двенадцати с полиэтиленовым пакетом, полным ветра. Двигались мы с ним в разных направлениях. Я прошел шагов десять от места встречи с пацаном, и увидел очень редкую картину – на земле лежали деньги, согнутая пополам внушительная стопочка российских рублей высокого достоинства. Судя по верхней купюре, мальчишку послали купить к ужину грамм 200 свежего золота.

Не могу с уверенностью сказать, что лишние деньги мне бы помешали. Потому что лишних денег у меня никогда не было. А в свете последних событий, их не было вовсе. Потерял бы эти бумажки кто другой, наверное, оставил бы себе, с преобладающей и толстой радостью. Искренней, животной радостью от соблазнительной халявы, в первом же раунде победившей хиленькую совесть, отягощенную наследственным урбанистическим авитаминозом.

Но мальчишку было жалко, поэтому я обернулся и свистнул, останавливая его. Он послушно подошел, не подозревая, в чем дело. Я показал ему на деньги, и его вид от этого стал еще более растрепанным. Он удивленно разжал кулак и заглянул вовнутрь. Кулак показал ему пустую ладошку. Растрепанность и растерянность парня, очевидно, достигли своего апогея, потому что он сначала что-то мякнул, потом хрюкнул, и только после этого его горло и легкие смогли справиться со словами благодарности.

Я пожелал ему всяческих неудач в реализации проводимой им посевной кампании, и проследил, чтобы деньги были перемещены в закрывающийся карман без дырок. Таковой без труда нашелся в его ярко-зеленой куртке. После чего я удалился в сторону своего дома с царской улыбкой.

Улыбка действительно была царской, и я мог погордиться собой минут десять, шагая и позвякивая мелочью в собственном кармане. Хотя, если быть точным, звякали там не только и не столько монеты. Эту незатейливую мелодию, в основном, исполняли ключи от квартиры на Пасечников. На этой связке также висели ключи от родительской квартиры, от рабочего кабинета, и даже дубликат ключей от машины.

Внушительность связки вполне могла бы пригодиться в моменты, требующие необходимой самообороны. Я давно собирался разделить ее, хотя бы на две. Оставить для себя ключи от квартиры и работы, а остальное переложить куда-нибудь в укромное место. Эту, уже неоднократно откладываемую работу, было решено произвести незамедлительно по возвращении в родные стены.

Довольно быстро я подошел к своей двери. Звякнув ключами в последний раз за сегодня, я открыл дверь квартиры и осторожно (чтобы не переписывать «звякнув в последний раз») положил их на газету, на треть свесившуюся с полки шкафчика в прихожей. Но тут, блин, газета вместе с ключами соскользнула на пол – и ключи ... НЕ ЗВЯКНУЛИ!

Я вдохнул металлический почему-то воздух прихожей, некстати подумав, что так должны пахнуть молодые, еще не крашенные холодильники, и стал лихорадочно вспоминать, кто ж это мог меня уболтать дать ему поносить мои ушки. С моей макушки. И тут же ощутил, что чердачное отделение моей головы бибикнуло, и с места, с пробуксовочкой, умчалось в неизвестную, но, несомненно, розовую даль, полную изящных смиренных рубашек и одиозных личностей типа товарища Наполеона Буонопарте.

Я перекрестился, потом ущипнул себя, и, наконец поняв, что делаю что-то не то, хлопнул в ладоши. Звук был. Резкий хлопок влажными руками друг о друга. Потом поднял связку ключей, и, держа ее за брелок, встряхнул. КЛЮЧИ НЕ ЗВЕНЕЛИ.

Глава двенадцатая, про пьяного СЛОНА

– А вдруг он – разумное существо?

– Кто, Ерофеич?

Из т/с «Агент национальной безопасности» (1998)

Ключи очень сильно пахли железякой чертовой, но никак не хотели звенеть – во всяком случае, я не слышал никакого звука. Рука ощущала тяжесть металлических открывалок для дверей, ясно было, что они сталкиваются друг с другом, и должны издавать при этом приветственный (или прощальный?) звон, но звука не было.

Я оставил ключи в покое и принялся за собственные уши. Пощипав их за мочки и проверив пальцами наличие в ушных раковинах бананов, я понес околесицу – точнее, начал ее делать. Как делается околесица, я точно не знал, поэтому я подошел к зеркалу и посмотрел в него глупыми глазами. Пару раз хлопнув ресницами, оттянул веки – вроде бы все было в норме. Глаза продолжали оставаться зелено-карими и смотрели прямо, а не сходились к переносице, любуясь друг на друга.

Тогда я показал себе язык и очень внимательно его осмотрел. С ним тоже все было в порядке. Единственное, он не умел сворачиваться в трубочку – но этого он не умел и раньше. Я растерянно причесался и побрызгался туалетной водой. Запах парфюма нос почуял, кожа ощутила распыленную ароматную влагу.

В кармане проснулся Джин, и не замедлил появиться снаружи. Его лобастая башка, протиснувшись между мной и курткой, сначала глянула с высоты на далекий пол, потом повернулась ко мне. Он сочувственно взирал на меня своими большими сонными глазами. Казалось, кот тоже почувствовал, что со мной творится что-то неладное, и был готов мчаться за ветеринаром. Хотя, конечно, все это было чистой воды выдумкой – беспокойство зверька объяснялось новизной обстановки. Я выпустил его на волю и снял мокрую одежду и обувь.

Пройдя в комнату, достал из холодильника бутылку минералки и припал к горлышку. Но тут же от него отпал, потому что оно было закрыто пробкой и пришлось ее открывать.

Когда вода с шипением (вся такая сама из себя газированная) коснулась моего языка и иже с ним, я буквально вкусовыми рецепторами почувствовал звон ключей. И чуть позже, когда полоскал рот все той же минералкой, опять глуховатый звон – такой же, который должны были услышать мои уши, когда я трусил связку, держась за брелок. Звук я не слышал в полном смысле этого слова – я его распробовал на вкус. Причем информация, которую нес этот вкус о звоне, была полноценной, она ничуть не искажалась; как если бы я ЭТО действительно слышал, а не пил.

Я сел на пол, поставил к ногам бутылку и попытался закурить. Даже чиркнул спичкой, и держал ее в дрожащей руке, пока искал сигарету. Потом вспомнил, что уже несколько часов, как не курю. Спичку бросил на пол и начал думать о том, что мне из вещей нужно будет в психиатрической лечебнице.

И тут зазвонил телефон. Зазвонил! Он звенел звуком, а не был запахом, изображением или вкусом. Я это не чувствовал кожей, а слышал по-настоящему, ушами. Решив, что самая полезная вещь в психушке – это действительная справка о собственной нормальности, но, все же, до конца не придя в себя, я поднял трубку, и вместо привычного «Да» или «Алло», спросил:

– Кто говорит?

– Слон, – ответила трубка голосом Вячеслава Михайловича Слоновитого после небольшой паузы, вызванной неординарностью моего телефонного приветствия.

– Что надо? – я продолжал возвращаться к полноценной жизни, но, похоже, застрял где-то в четырехлетнем возрасте.

– Шоколада! – радостно вспомнил Корнея Чуковского Славик на другом конце провода. Он, судя по всему, тоже пускал там пузыри, но не по причине легкого сумасшествия или из-за впадения в детство: из трубки явственно слышался запах перегара.

Я решил не обращать внимание на путаницу, возникшую в работе моих органов чувств, и продолжил познавательную беседу:

– Ты откуда? – спросил, и тут же осознал всю неправильность постановки вопроса. Судя по алкогольному акценту и тяжести запаха, Славик на такой вопрос, кроме того, что он местный, не ответит ничего. Ну, или вспомнит о кораблях пустыни. Но он оказался на высоте:

– Из будки.

– Бери тачку и дуй ко мне, – я искренне надеялся, что он вдали от собственной квартиры, и не полезет в кладовку за зеленой двухколесной тачкой. И не станет дуть на нее, транспортируя в сторону моего дома. С него бы случилось...

Трубку на место Славик повесить забыл, и я еще услышал его залихватский свист, звук останавливающегося автомобиля и хлопок дверью. После этого какой-то добрый самаритянин вернул трубку на место, и все сменилось гудками. Вообще, была у Слона какая-то патологическая любовь к проводным телефонам – звонить же по собственному мобильному он люто ненавидел.

Я вступил в тапочки и пошлепал открывать форточки. Относительно свежий воздух урбанизированного города ворвался в комнату, поднимая почти до потолка белоснежные гардины, и хлопнул дверью на кухню.

Джин обходил владенья свои, тщательно суя крохотный любопытный нос во все уголки. Я разобрал собственный рюкзак, поставил в прихожей кошачий туалет, насыпав в него наполнитель. Миски установил на кухне, в белую сразу же налил воды. На кухню тут же приплелось это маленькое чудо, пока еще косолапое и неуклюжее.

Начинать хлебосольство с сухого корма не хотелось. Покупал я его для экстренных случаев, как неприкосновенный запас. В холодильнике отыскался жареный зеркальный карп – не очень свежий (три дня как пожарили), но вполне еще съедобный. Я его покромсал небольшими кусочками, и выложил в серую миску. Джин, урча громче двухкамерного холодильника, принялся жадно поглощать рыбку.

Открыв стоящий на подоконнике баллон с отстоявшейся водой, я затеял поливать цветы, одновременно пытаясь освобожденной от тапочка ногой включить стоящий на полу музыкальный центр. Когда это удалось, центр сообщил мне, что он – рекламная служба «Антикварного радио», а потом, через какое-то время голосом Ветлицкой спел песню, в которой были строчки: «Теплая вода, золотой песок. К северу лицом, сердцем на восток». Я с удивлением отметил, что при таком описательном расположении сердце у певицы должно находиться с правой стороны, или, в крайнем случае, песня должна исполняться исключительно на Северном или Южном полюсе. Ну или, уж в самом крайнем случае, кому-то просто свернули шею.

Я закончил поливать чахлики на подоконнике и принялся молоть кофе. Через десять минут, в халате, взяв через его рукав ароматно дымящуюся турочку (пластмасса с ее ручки исчезла после празднования прошлого Нового года), я отправлялся в гостиную, когда в дверь постучали.

Равномерный стук продолжал раздаваться, пока я искал место для горячей турочки и шел к двери. На пороге стоял Слоновитый, и радостно улыбался.

На ногах он еще держался, но качало его уже по всем трем пространственным координатным осям, а на временной он, похоже, сел на мель. На его лице было написано простое и дешевое алкогольное «счастье». Которое завтра сменится простым человеческим несчастьем – уж кому, как не мне знать и помнить об этом все подробности! Судя по всему, пил Славик со вчерашнего вечера.

Пакет в его руке красноречиво звенел. Я начал уже было делать вздох облегчения по поводу посещения моей скромной персоны пьяным Слоном со слоновым же запасом алкоголя, как явственно почувствовал запах коньяка. И со злорадством подумал: «Ну уж тут-то точно ошибочка – от Славика определенно несет водкой и пивом», и с надеждой на отрицательный ответ спросил:

– Коньяк?

Брови Славика изобразили нечто среднее между «А ты откуда знал?» и «Обижаешь – только водка». Он всегда удивлял меня способностью изображать на собственной физиономии противоположные, практически взаимоисключающие выражения, которые при всем при этом легко читались и друг на друга не наслаивались.

Я взял из его рук пакет и заглянул внутрь: бутылка «Арарата», какое-то красное сухое вино, коробка конфет и лимоны...

– Сейчас ты будешь отмокать. Ты мне нужен более-менее трезвым. Говорят, жизнь появилась в воде, попробуем тебя к ней вернуть. В смысле к жизни, – я вздохнул тембром ближе к обреченному, поставил все на стол и пошел готовить джакузи, посадив Славика на табуретку расшнуровываться.

После того, как вода стала набираться в ванну, достал из записки имени Самого черного дня последнюю сотню евро и пошел в ближайший магазин за хлебом, потому как его дома не было. Рядом с магазином было отделение банка, где я надеялся обменять валюту – рублей не осталось даже на такси для Ирки, которая должна приехать сегодня вечером.

Когда я вернулся минут через десять, неся хлеб, пельмени и яйца, о которых вчера напрочь забыл в торговом центре, Славик уже справился с туфлями и одним рукавом рубашки. Ванна была полна, и тепленькая вода в ожидании чьего-либо тела заставляла слегка потеть зеркало. Я прогнал Славика отмокать, взяв с него обещание не тонуть и не пить шампунь.

Пока он плескался, я успел убрать со стола, сварить пельмени, довести до ума кофе, и порезать лимоны, умело соединив всю эту работу с чтением Джину лекции о вреде пьянства и алкоголизма, а также с сетованиями на отсутствие любимой женщины.

Расставив еду на журнальном столике, снова чуть не закурил. Очень уж хотелось затянуться этой чертовой отравой, запивая ее кофе. Неожиданно из ванной нарисовался Славик, с протрезвевшим взглядом и мокрыми волосами. Натянутая наизнанку майка и сплошь запятнанные водой джинсы очень хорошо сочетались с чудными пузырями, которые он пускал изо рта. Сердце мое опустилось – последние четверть флакона шампуня...

Про шампунь я сказал ему, разумеется, в шутку – даже у такого огромного оригинала, как Слон, не было привычки употреблять моющие средства вовнутрь. Выходит, накаркал, подумал я, но все оказалось несколько проще – Славик настолько пришел в себя, что решил почистить зубы. Правда, выбрал он для этого не зубную пасту, а тюбик крема для бритья (у него всегда было плохо с языками, а «shaving cream» или «tooth paste» как надписи несли для него абсолютно одинаковую смысловую нагрузку).

Впрочем, говоря о том, что он начал приходить в себя, я поспешил. Это мне стало ясно после того, когда я узнал, что он использовал в качестве зубной щетки. В ванной стоял почти целый блок этих щеток, и все из подруг и друзей, кто оставался у нас на ночь, с утра одаривались индивидуальным средством чистки зубов. После чего на щетке царапалось имя, и она готова была ждать своего хозяина вплоть до страшного суда. Ну, или до ближайшего ремонта.

Дело в том, что щеток Слона, в связи с его же частыми посещениями и редкой памятью у меня было уже три. Он их сначала пытался запомнить по цветам, но, видимо, против была какая-то злобная Цветоаномалия – зеленая, синяя и красная щетки были подписаны соответственно «Слон», «Я» и «Слава КПСС». Сегодня же он почистил зубы желтой щеткой с каллиграфической надписью «Евдокия Петровна».

Евдокия Петровна – это хозяйка снимаемой мной квартиры. Ее муж, Саша, за поистине энциклопедическую эрудицию называл ее Дока, а она его – за казачьи корни – Сабля. Причем частенько делая паузу между слогами. Хотя, по логике, правильнее было бы – Шашка, но тогда бы, увы, незаслуженно терялось столь значимое, особенно в моменты, когда Саша закладывал за воротник, мужественное окончание первого слова.

Я ничего не сказал Слоновитому ни про крем для бритья, ни про то, что не эстетично пользоваться предметами личной гигиены посторонних женщин, а просто отобрал чашку с кофе, за которую он схватился, и приговорил:

– Евдокия Петровна сегодня будет пить вместо кофе молоко, – и пошел на кухню кипятить молоко, поймав его обиженный взгляд, в котором, кроме всего прочего, читалось: «Какого ж тогда отнимать у меня кофе, если Евдокия Петровна будет пить молоко» и «А кто вообще такая Евдокия Петровна, она симпатичная?».

Он курил, когда я принес ему молоко. Оно получилось с добавлением кофе, потому что турочку я мыть не стал – в очередной раз отключили воду. А разговор у меня к Слону был очень серьезный...

Глава тринадцатая, в которой главный герой неожиданно узнает, почему нынче ШИЗА

– А эта бредятина откуда?

– Из «Упанишад».

– А что такое «Упанишады»?

– Не знаю...

Братья Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»

Слон был типичным сердцеедом – высокий, голубоглазый блондин. Нельзя было сказать, что он семи пядей во лбу, но женщин это не особенно интересовало. Был он коммерсантом средней руки, и при этом очень хорошо знал преступный мир города. Вести криминальную хронику в какой-нибудь газете было его сокровенной мечтой. Однако, этому сильно препятствовал недостаток образования – я бы даже сказал, словообразования. И словосочетания. Но Слон упорно копался во всем городском мусоре и старательно все это конспектировал – возможно, делая задел на будущее. И все равно, неумение выражать собственные мысли словами, а не жестами, было серьезной – если не сказать, фатальной, преградой для его мечты.

Изъяснялся он своеобразно, весьма легкомысленно употребляя незнакомые или мало-знакомые слова к месту и не очень. Или на его голову когда-то – непременно, во время чтения сборника армейских «перлов» – свалилось нечто тяжелое, и зафиксировало какой-то нужный рычажок в ненужном положении, или одно из двух. Он мог сказать с абсолютно серьезным лицом что-нибудь вроде: «Я тебе эксклюзивно заявляю: эти раки несвежие», или «Никаких эксцессов, граничащих с правопорядком, на праздники не было».

Да что там – он и со знакомыми словами справиться мог не всегда. Однажды, пытаясь выпросить у моей матери предварительное поздравление по поводу грядущего собственного дня рождения в ближайшую пятницу, он заявил ей в среду: «А вы знаете, тетя Нин, у меня же в пятницу – воскресенье!» Маме ничего другого не оставалось, как осторожно намекнуть моему вечно пьяному другу, что «у тебя, Славик, каждый день воскресенье».

Славик обладал поистине грандиозными связями. Как в милиции-полиции, так и в криминальной среде. Как-то раз у него угнали новенький, но не очень дорогой лексус, подарок одной из почитательниц его скандинавской красоты. Машину вернули на следующий день, после того, как он ночь напролет пропьянствовал в кабаке «Три тополя и Плющиха» с одним местным мафиози.

Рассказав о вчерашней истории, я с интересом слушал, что выдаст его мозг по моему запросу. Очень надеясь на то, что эта информация будет более-менее полезна. Через минутку, допив горячее молоко, Славик обнаружил неосторожно прогуливавшегося Джина, заграбастал его к себе на колени и окружил лаской и вниманием, не забывая и о моем интересе:

– Чероки 666 – это Свин. Из всей околोकриминальной братвы города только у этого придурка хватило ума повесить такой пафосный номер на машину. Говорят, он даже не знал, что 666 – это библейское число зверя, когда проплачивал номер в ГИБДД (Слон давно не блистал при мне такими глубокими околочульскими познаниями, не иначе недавно пересматривал «Омен»). А когда объяснили, не стал менять. Занимается, в основном, наркотой. Вчерашняя шестерка – поднялся год назад, когда отец одной девчонки-наркоманки завалил Зулу. Свин был его правой рукой, ему и досталось это наследство.

По наркоте у Свина какие-то проблемы с цыганами – то ли он им денег должен, то ли торговал на их территории. Да, еще недавно помер Лешич, крутейший химик, правда – полностью безбашенный наркопет. Он был для Свина всем – гениальный придурок, вывел свино-

бизнес на первое место в городе за каких-то пару месяцев. Так вот, грешат на цыган – вроде как они Лешича к праотцам отправили.

В общем, точно не знаю, кто там из них начал, но в последнее время ментам «сдали» две хорошие цыганские точки. Думают, что это Свин сливает информацию. Через своего адвоката... как же его? а – Юровский Юрий Юрьевич, у него белый кайенн «три пятерки». А вчера, скорее всего, цыгане сдали ментам «У Рыцаря» – только менты ничего там не нашли. Или кто-то вовремя предупредил бармена, или самого Свина.

– Ты выпьешь? – Слоны открыл коньяк.

Я отрицательно покачал головой – хватит с меня подвигов, до сих пор от одного запаха алкоголя мутило... Интересно получалось с моим любимым кабаком. Слоны нацедил рюмочку коньяка и макнул лимон в сахарницу. Смакуя, медленно выпил, и после протяжного вдоха закусил лимоном.

– Еще говорят, что Свин пихает какой-то новый наркотик, называется «шиза». Вот, я тебе почитаю... Он порылся в кармане и извлек оттуда газетную вырезку, изрядно потрепанную, и начал читать:

– Яркая, мультипликационная эйфория, привыкание практически с первого раза. У принявшего начинается своеобразное расщепление личности. «Шиза» выделяет актуальное состояние на момент принятия, и глобализирует (Слоны трижды запнулся на этом слове) его до масштабов полноценной личности. Если вы примете наркотик во время легкого душевного подъема, весь вечер пройдет под ощущением небывалого развития собственного таланта. Один посредственный композитор под «шизой», в единовременном порыве написал часовую рок-оперу «Принц и нищий», которая сейчас собирает один за другим призы международных конкурсов и топы в чартах радиостанций. Пожалуй, это единственный известный случай, когда наркотик принес ощутимую пользу.

Гораздо чаще встречаются сообщения, когда «шиза» делает из людей монстров. Если, допустим, вы перед приемом препарата ударили человека – то практически со 100%-ной уверенностью можно сказать, что вы превратитесь в изощренного садиста или убийцу. И будете таковым часов восемь. Причем у всех окружающих сложится мнение, что вы всю жизнь именно таким и были – настолько органичным является вхождение в роль. После окончания действия препарата наступает глубокий сон, а вместе с ним – амнезия. Наркоман абсолютно не помнит, кем он был накануне и что делал. Своего рода, современная история «Джекила и Хайда».

Он спрятал вырезку обратно в карман, и от себя добавил:

– Можно курить эту «шизу», но наркотик дорогой – поэтому практичнее его пускать по вене. Распространяют среди состоятельных клиентов, одна доза стоит 200 евро.

– А как она выглядит, эта шиза?

– Без понятия. Знаю, что продают ее обычными сигаретами. Причем, если ты выкуришь сигарету, ничего не будет. Сам наркотик прячут в фильтре. То есть берешь сигарету, отламываешь фильтр, достаешь шизу, и вставляешь в полученную сигарету без фильтра. Куришь, и через двадцать минут начинаются чудеса.

На какое-то время мы забросили разговоры, и принялись за еду. Ну как принялись – в свете озвученной информации кусок мне в горло особо не лез. Я лениво ковырял несчастный пельмень, искренне надеясь, что до сих пор с шизой не знаком. Слоны еще пару рюмок коньяка выпил. Я обошелся томатным соком. Славик умял все нарезанные лимоны, и засобирился:

– Устал я. Завтра тяжелый день. Если уж не судьба напиться со старым другом, пойду отсыпаться домой.

Мы распрощались, и Слоны поехал к себе. Я с какой-то отрешенностью извлек из мусорного пакета смятую пачку. Внутри оказались 6 разломанных сигарет. Опять захотелось курить, но я категорично выставил это желание вон. Первый же разорванный фильтр выбросил мне на ладонь коричневый кубик размером со спичечную головку. Выковыряв начинку и из осталь-

ных фильтров, я сложил это в пустую масленку из сервиза в посудном шкафчике. Несмотря на довольно динамичное развитие событий, меня опять начало клонить в сон. Я не стал этому противиться, и нырнул под плед, взяв с собой Джина. Сытый котенок, расположившись сверху, довольно урчал, закрыв глаза, и когтил плед.

Обращаясь к Джину, я начал излагать последние события.

– Итак, я покупаю «У Рыцаря» пачку сигарет. Случайно или нет, мне достается пачка с табачными изделиями, заряженными шизой. 20 сигарет – 4 штуки евро... Не слабо. Потом приходит Настя с подружками. И я, под «Владимирский централ», раскуриваю фильтр с шизой. Видимо, какую-то часть этой отравы я скурил – иначе было бы труднее оправдать сильнейший провал в памяти и мое уркаганское поведение на набережной. А так все сходится. Я нацепил на себя личину опытного вора, и старался полностью ей соответствовать.

Хорошо хоть, я был вором на отдыхе, и меня не утянуло на какую-нибудь всамделишную кражу. Хотя, не факт, что не утянуло. Часа два из жизни вычеркнуло. Еще, наверное, сыграло роль то, что доза оказалась меньше положенной – спасибо Насте, обратившей мое внимание на курение фильтра. Да и алкоголь вмешался, несколько изменив действие наркотика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.